

ГЕРМАН ВЕНДЕРОВ
БЕЗДНА ТВОИХ СТРАХОВ

Бездна Германа Шендерова

Герман Шендеров
Бездна твоих страхов

«ИП Головин»

2022

Шендеров Г.

Бездна твоих страхов / Г. Шендеров — «ИП Головин»,
2022 — (Бездна Германа Шендерова)

Все, что ты силился забыть – все эти горячечные сны, дурные видения, кошмарные воспоминания, детские травмы, страхи прошлого – все они собрались под этой обложкой. Ведьма, готовая передать дар вместе с грехами любой ценой; призрак погибшего возлюбленного, что жаждет вернуться к жизни; тюремное проклятие, ждущее очередную жертву; хтонические божества из глубокой тайги; улыбчивая тетя, уводящая детей с площадки в грязный заброшенный сортир. Все твои страхи были скрупулезно взвешены и записаны на этих страницах, чтобы ты мог вернуться к ним добровольно и встретить лицом к лицу.

Содержание

Кладбищенская черемша	5
Технические жильцы	23
Убить упыря	33
Перегон	45
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Герман Шендеров

Бездна твоих страхов

Кладбищенская черемша

Жена поставила мне условие: секс станет регулярным, если я буду три раза в неделю ходить в спортзал. За четыре месяца у меня хватало воли лишь на несколько визитов. Подтянутые и накачанные юноши с внешностью греческих богов вызывали во мне ощущение глубочайшей фрустрации и ненависти к себе. Эти округлые, обтянутые лосинами задницы, сиськи в спортивных лифчиках... Представьте, каково это – истекая потом на беговой дорожке смотреть, как очередная красотка в коротких шортиках томно тянется в «позе собаки» на татами. Не помогает даже отвести глаза: все равно кто-то позади тяжело дышит или вскрикивает, заставляя вспоминать, каково это – ощущать себя рядом с женщиной.

Некто однажды сказал, что смеяться над толстяком в спортзале – то же самое, что смеяться над больным в госпитале. Разумеется, в раздевалке надо мной никто не подтрунивал, но я видел их брезгливые взгляды: исключительно тактично, вскользь, эти «спортсмены» с пренебрежением глядели на меня. На мой рыхлый бледный зад, на фартукоподобное брюхо, прячущее под собой далеко не внушительные гениталии. Особенно активно пялился какой-то долговязый парень, вечно прячущий лицо за дверцей шкафчика. Да, давай, смейся, у тебя-то нет проблем с лишним весом. Всем смеяться над толстяком! В эти моменты мне хотелось убежать, скрыться с глаз долой, спрятать свое уродливое тело в темных подземных лабиринтах.

Сидячая работа и углеводы – вот истинный приговор для физической формы. С утра и до позднего вечера я перебирал бумажки в пыльном офисе. Аренда в центре Мюнхена была ого-го, поэтому владелец фирмы снял полуподвальные помещения под бывшим универмагом. Теперь над моей головой находились модные смузи-бары, веганские кафешки, магазин спортивного питания, а я сидел прямо под ними и, словно крот из сказки Андерсена, подслеповато щурился над документами, копиями, приложениями и считал, считал, считал...

К счастью, перерыв длиною в час позволял мне ненадолго покинуть эту затхлую нору с плесенью по углам и отправиться на свежий воздух. Раньше я обедал в кантине – ее роль выполняла комната с заляпанным столом и микроволновкой – но вскоре избавился от этой привычки. Дело в том, что я чувствовал, как во время еды взгляды коллег липнут ко мне, точно крупные влажные слизи к плитке. Извлекая очередной бургер из пакета, я почти видел, как кто-то качает в изумлении головой за моей спиной. Казалось, краем глаза я могу заметить, как на их лицах шевелятся губы, произнося беззвучное «И он это все сожрет?».

Да, я люблю поесть. Люблю вредную жирную еду – бургеры, картофель фри, наггетсы, конфеты, креветки в панировке и чипсы. Нельзя просто взять и решить для себя, чем ты будешь наслаждаться по жизни. Мне кажется, это заложено в фундамент нашей личности изначально – некая направленность мышления, своеобразные рельсы, с которых никогда не получится сойти. Рельсы, которые закончатся лишь со смертью.

В очередной раз во время обеденной паузы я поднялся из офиса, вдохнул прохладного весеннего воздуха и направился в сторону раскидистых крон над темно-желтым каменным забором. Южное Кладбище уже давно не использовалось для захоронений. Места там уже не оставалось, и почти все участки принадлежали знатным семьям, что засевали своих усопших словно морковь – в пределах своего огорода по ровной линии.

Стоило ступить на гравийную дорожку, как мой живот заурчал. В воздухе аппетитно пахло чесноком, словно кто-то поджаривал ароматные головки на гриле. Рот наполнился слюной, я уже представил себе сочный, истекающий жиром стейк, украшенный веточкой розма-

рина с белыми зубчиками по краю. Разумеется, на кладбище никто бы не додумался устроить барбекю – виной головокружительному запаху служили тонкие зеленые ростки бэрлауха, льнувшие темно-зелеными стеблями к потрескавшимся могильным камням. Белые мелкие цветки дразнили, покачиваясь на слабом ветру, мешали думать, отвлекали, источая нестерпимое благоухание.

Ускорив шаг, я почти добежал до скамейки в центре и угнездил широкий зад рядом с подлокотником. На перекрестке кладбищенских тропинок тихонько журчал фонтан, из которого, высоко запрокидывая голову, неторопливо пил ворон. Понаблюдав за птицей, я, наконец, позволил себе открыть контейнер с обедом. Вдыхая витавший вокруг чесночный аромат, я прикрыл глаза, предвкушая момент своего маленького грехопадения, но, взглянув в контейнер, скривился от омерзения.

На белом разваренном рисе, похожем на скопление личинок, лежало несколько тошнотворно-склизких обрезков водорослей. Венчали эту гадкую смесь кубики тофу и короткая пластиковая вилка.

Жена стала веганом пару месяцев назад, и из дома исчезли все продукты, как-либо связанные с животными. Сахар, который фильтруют через телячьи кости, молоко, в котором якобы содержался гной из неухоженного вымени несчастного животного, и, разумеется, «мертвечина» – так в нашем доме теперь называли мясо. Нынче Анна готовила мне на работу «здоровую и полезную» склизкую дрянь, производство которой не «причинило страданий ни одному животному».

Я с досадой оторвал взгляд от контейнера. Хотелось выбросить гадость прямо в фонтан, чтобы это сожрали так любимые женой зверушки – вороны, голуби, крысы и прочие городские паразиты. Отчаянный и раздраженный, я беспомощно смотрел по сторонам, словно надеясь, что пока я не вижу мерзкую массу у себя в контейнере, она магическим образом станет чем-то иным – мясным рагу по-венгерски, шницелем с картофельным салатом или курицей карри. Запах чеснока, разлившийся в воздухе лишь подкреплял эту фантазию.

Обводя взглядом окружающие меня могилы, я представлял себе, как, должно быть, роскошно питались все эти Ахамы, Виттельсбахи и Рейнфельды, над останками которых теперь возвышались монументы из песчаника, украшенные готической вязью, крестами и масонскими символами. Мое внимание привлек сильно заросший памятник, торчащий откуда-то из кустарника. Надписи давно стерлись с щербатой поверхности даже не плиты – какого-то покатога валуна, с будто бы вросшей в него скульптурой ангела. Небесное создание, когда-то наверняка прекрасное, теперь уродливо возвышалось над серой грудой, опустив осыпающиеся крылья. Молитвенно-сложенные на груди руки слились в единый монолит, но самой пострадавшей была голова. Из нее, напоминающей бесформенный гриб торчали то ли гвозди, то ли куски проволоки; лицо сколото почти целиком, сохранился лишь рот – казалось, искривленный в зловещей усмешке, хищный, с узкими губами. Мое сердце замерло, когда каменные уста будто бы приоткрылись, и оттуда неспешно, словно в замедленной съемке, выполз тонкий черный язык. Глаза ангела были потеряны вместе с остальной частью лица, но я чувствовал всем своим естеством, что взгляд каменного уродца направлен прямо на меня.

Вдруг язык окончательно покинул рот статуи и, шевеля многочисленными ножками, убежал куда-то вниз. Фух, всего лишь сороконожка! Чертово создание меня так напугало, что я чуть не подскочил на месте, когда заметил боковым зрением промелькнувшую рядом тень.

На спинку скамейки рядом со мной забралась тощая девушка. Сгорбившись, она обратилась ко мне с легким французским акцентом:

– У вас сигарета найдется?

– Разумеется, – отозвался я, хлопая себя по карманам, сам исподтишка разглядывая девицу. Несмотря на прохладную погоду та была босиком. Черное платье висело лохмотьями, корсет стягивал и без того тощую грудную клетку до анатомических пределов. Лицо незна-

комки драпировала черная кружевная вуаль, руки скрыты перчатками из той же ткани. С образом резко диссонировало худы и накиннутый на голову капюшон, из-под которого блестели хаотично разбросанные по лицу гвоздики и шарики пирсинга. Готесса. Из тех, что тусят на кладбищах и пьют пиво в переходах. «И трахаются с панками и байкерами» – завистливо подумал я.

– Пожалуйста, – я, наконец, нашел пачку и протянул девушке. Та ловко выудила белую палочку своими невероятно длинными, как у пианистки, пальцами.

– Прошу, – я поднес зажженную зажигалку.

– Благодарю, – она глубоко затянулась и выдохнула серое облачко, заметавшееся под вуалью, выходящее из него, словно из-под горящей листвы, – Так вот что едят современные мужчины?

Незнакомка с явным пренебрежением кивнула на ненавистный мне красный контейнер.

– Моя жена, – неопределенно махнул я рукой в воздухе, чтобы она увидела кольцо, – Она стала веганом, и считает, что я похудею гораздо быстрее, если не буду есть мяса.

– Похудеете? – переспросила девушка, видимо, исключительно из чувства такта.

– Ну да, набрал я за последнее время, – с горькой усмешкой я в подтверждение своих слов приподнял фартукоподобное брюхо и немного потряс им в воздухе. На самом деле, я, конечно, солгал. Вся эта мерзость, свисающая с моих боков, наполняющая мои сиськи, уподобляющая мои ноги колоннам, была, разумеется, накоплена не за год и не за два. На моих коленях покоился, грозя одышкой при любом резком движении, результат моего долгого и планомерного грехопадения.

– А зачем вам худеть? – недоуменно спросила готесса. Я почти разозлился. Легко задавать такие дебилские вопросы, насмехаясь над случайно встреченным толстяком, когда ты выглядишь, словно модель эпохи «героинового шика» со своими запястьями толщиной в палец и талией в пол-моей шеи. Кто эта соплячка такая, что сидит здесь, курит мою сигарету и смотрит на меня с пренебрежением и брезгливостью, как и все остальные?

– Да потому что бабы мне не дают! Жена мне моя не дает! Четыре месяца, вот уже думаю, где дату отметить! Говорит, что я разожрался! Слишком уж уродлив я для секса! – саркастически подхихикивал я своим словам. На деле же хотелось разрыдаться, опустив голову прямо в безвкусное кашло, приготовленное человеком, который меня ненавидит.

– Как можно называть кого-то уродливым за то, что тот ест вдоволь? – задала девица вопрос, выбивший меня из колеи. Я даже присмотрелся повнимательнее к незнакомке – не издевается ли? Но ее глаза, скрытые какими-то гадкими белыми линзами ничего не выражали. С тем же успехом я мог бы попытаться поймать на лжи рыбу. Густо обведенные черной помадой губы мусолили фильтр, гоняя дым под вуалью. Я все силился понять – нет ли в ее словах насмешки, а девушка продолжила:

– Эти современные псевдотенденции я никогда не пойму. Раньше худыми были лишь крестьяне, что не могли себе позволить наедаться досыта, не могли добыть калорийную пищу. До сих пор во Вьетнаме и Камбодже полный человек считается привлекательным, достойным внимания. Подумайте – в Азии у вас бы от девушек отбоя не было.

Она подмигнула мне, чиркнув по кружевам длинными ресницами. Она что же, со мной заигрывает? Ни кольцо на пальце, ни брюхо, лежащее на коленях, ее, похоже, не останавливало.

Это огорошило не меньше, чем ее странные рассуждения относительно привлекательности полных людей. Ее журчащий, тихий голос завораживал, эти томные сонорные звуки в нос и картавость вкупе с легкой хрипотцой заставляли сердце биться чаще.

– Голод, – продолжала она, глядя словно сквозь меня, – движущая сила прогресса. Голод заставлял людей менять место стоянки, учиться скотоводству и земледелию, находить новые способы охоты и новые способы употребления пищи. В основе всех первоначальных религий

лежало два простых понятия – голод и насыщение. И если голод в современном понимании можно было бы сравнить с дьяволом, адом, муками, то насыщение – это скорее божественность, рай, просветление. Считайте, что вы постигли дзен, – усмехнулась она.

– Дзен? – тут уже я не удержался от улыбки, – Просветление в виде лишнего веса и висцерального жира?

– Нет. Просветление в виде понимания вами истинного назначения плоти – насыщать и быть насыщенной, – незнакомка сделала последнюю глубокую затяжку и отщелкнула бычок куда-то в кусты.

– Знаете, в азиатских культурах считается, что если погладить живот просветленного, то это приносит счастье? Вы не против?

Я не успел ответить – ее рука черным пауком метнулась к моему брюху и старательно, сверху вниз прошла по моей рубашке, зацепив двумя пальцами пах. Неизбалованный женским вниманием, я мгновенно ощутил эрекцию и глубокое смущение, а рука продолжала совершать гладящие движения, будто специально соскальзывая мне на брюки. Длилось это лишь несколько секунд, но мое сознание уже успело погрузиться в объятия сладкой неги. Неожиданно – как заканчивается все хорошее – девушка вскочила со скамейки и зашуршала босыми ногами по гравии, удаляясь от меня прочь. В ушах шумело, глаза не различали цвета, только вездесущий аромат черемши забивал ноздри, густо замешивая похоть с чувством голода. Я успел расслышать брошенное через плечо:

– А мужчинам необходимо есть мясо, а не это...

Опустив глаза, я увидел, что готесса, похоже случайно, сбросила контейнер на землю. Под моими ногами неаппетитно растеклась каша из риса, водорослей и тофу. Ворон, что сидел на фонтане, теперь с любопытством разглядывал то меня, то мой несостоявшийся обед, хитро поблескивая глазом.

– Подавись, – усмехнулся я, направляясь к выходу с кладбища.

До конца паузы оставалось добрые сорок минут. Этого как раз хватит, чтобы успеть заказать и съесть клаб-стейк с картошкой-фри и чесночным соусом. Повеселев, я, повинувшись неведомому порыву, сорвал стебелек черемши и сунул его в рот. Кисло-пряный вкус растекся по языку дразнящим соком, заставив желудок издать возмущенный рык. Обернувшись, я с легкой брезгливостью выплюнул жеванные стебли – хозяином «огорода» оказался тот самый безликий ангел. Вблизи он оказался еще уродливее – поросшая мхом голова делала статую похожей на гидроцефала. По каменным складкам хламиды ползали мокрицы, а идеально сохранившиеся губы кривились в презрительной усмешке. Ну и страшилище!

Едва зайдя в ресторан, я кинулся к хостесс, чтобы сделать заказ побыстрее.

– Какой прожарки стейк вы желаете?

– Пожалуй, пусть будет «блю»! – не думая, ответил я, мечтая о красном, истекающем кровью сыром мясе и о прикосновениях кладбищенской незнакомки.

Сочившийся теплым соком кусок едва прожаренной говядины я проглотил почти незаметно для себя. Не успевая наслаждаться ее вкусом, я с каким-то садистским наслаждением расчленил мертвую плоть, запихивая в себя куски стейка. Кровь текла по моему подбородку, посетители неодобрительно оглядывались на меня, но я не мог остановиться – первое мясное блюдо за добрые два месяца полностью заняло мое сознание.

* * *

Дома меня ожидал скандал. Анна сидела на кухне, пила свое веганское вино, крутя телефон в руках, и с вызовом смотрела на меня.

– Что-то случилось, милая?

– Ага, случилось, Бенни – саркастически подтвердила она, поднося бокал к губам, – Несколько лет назад я вышла замуж за лживого бесхребетного ублюдка.

– Детка, почему с этого нужно начинать вечер? – промямлил я, уже мысленно примиряясь с тем, что после работы отдохнуть не удастся.

– Асадо Стейкхаус? Серьезно? Ты пообедал на сорок евро с нашего счета? В то время как я готовлю тебе еду с собой?

– Родная, ну мне очень захотелось мяса, понимаешь? Я-то не собирался быть веганом...

– Я думала, ты будешь меня поддерживать! Как и обещал! Или ты думал, что твоя ложь не вскроется? Ублюдок! – бокал вина пролетел в пяти сантиметрах от моей головы и разбился об дверь за спиной, пара осколков попали за шиворот.

– Так, знаешь, это уже никуда не лезет! – попробовал возмутиться я.

– Брюхо твое уже никуда не лезет! Ты никогда не похудеешь – ты слишком слабохарактерный и ленивый! Сколько раз ты был в спортзале на этой неделе?

– Сегодня вторник...

– Значит, ты пропустил спортзал уже дважды! – заявила моя супруга и трянула своими золотистыми волосами, в которые я так любил зарываться носом. Когда она мне это еще позволяла.

– Слушай, я сегодня задержался на работе, а завтра обязательно...

– Можешь не ходить. Мне плевать. Я устала от твоих отговорок, от твоих оправданий и от твоей лжи! Готовить я тебе теперь тоже не буду – можешь питаться подножным кормом. Или, если хочешь – ходи в рестораны, только сначала начни зарабатывать побольше, – Анна поднялась со стула и направилась в спальню, давая понять, что разговор окончен. Телефон в ее руке завибрировал, и она ускорила шаг.

* * *

Ночью, лежа рядом в кровати, я попытался приобнять Анну, но она брезгливо дернула плечом. Вздохнув, я отвернулся на другой бок. Вот, значит, брак, который я заслужил.

Сон не шел, и я поднялся, стараясь не разбудить жену, и пошел на кухню. Освещаемый лишь лампой холодильника, я шарил глазами по полкам в поисках чего-то съестного, чего-то, что поможет хоть ненадолго ощутить тепло – пускай и в собственном желудке, но содержимое не вызывало аппетита. Какие-то мелкие кривые яблоки из отдела органических товаров – те, что в три раза дороже, – пророщенная соя, крупа в контейнере и миндальное молоко. Отойдя от холодильника несолоно хлебавши, я вернулся было в постель, но Анна разбросала конечности по всей кровати, замотавшись в одеяло на манер буррито. На мои попытки отвоевать себе хоть немного места жена реагировала недовольным бурчанием и махала руками, словно отгоняя какую-то особенно назойливую, жирную муху. Вздохнув, я поплелся в другую комнату на диван. Спалось плохо, ребра моего лежбища впивались мне в бока, а люк в подвал время от времени хлопал. Надо было его запереть, но я лишь поворачивался на другой бок.

* * *

Очередной рабочий день был наполнен цифрами и звонками. С небывалой раздражительностью я хватал трубку, выслушивал очередного бездельника, который вовремя не представил счет или требовал коррекции документов по истечению срока давности оных, и вновь с силой вдавливал ее в телефон. В животе происходила настоящая война: красные бобы с морковью – мой завтрак – не прижились и теперь просились наружу. Куда бы я ни бросал взгляд, всюду мерещились крупные, истекающие соками куски мяса, обложенные золотистыми колечками лука, девственно-зелеными листиками салата и стебельками черемши. А еще из головы не

выходила та девчонка. Она даже не назвала имени, но я запомнил каждую деталь в ее облике – черные блестящие патлы, торчащие из-под капюшона, хаотичные переплетения пирсинга на лице, бесцветные рыбы глаза и ловкие длинные пальцы, притронувшиеся ко мне там, где меня уже давно не касалась жена.

Как только настал обеденный перерыв, я, не глядя, вывалил в мусорку содержимое контейнера, который Анна вручила мне с собой – готовить для меня она все же не перестала. Раздражающее чувство вины сверлило изнутри и, выйдя из офиса, я тут же схватил телефон и решил ей набрать. Трубку никто не брал. Наверняка опять поставила на беззвучный.

Ноги сами вынесли на гравий Южного Кладбища. Ворон на бортике фонтана, казалось, вовсе не покидал своего места. Разумеется, его примеру следовал и уродливый грибоголовый ангел. А вот девушки не было. Запах медвежьего лука сводил с ума, скручивал желудок голодной судорогой. На скамейке кто-то оставил газету. Заголовок гласил «Очередная Нимфенбургская жертва». Я уже слышал об этих случаях. Какой-то ублюдок выпускает своего пса порезвиться в Королевских Садах Нимфенбурга, и вот уже не в первый раз местный егерь находит разодранный труп оленя. Мысленно я представил во всех подробностях, как потомок тех самых благородных животных, которых разводил на дворцовой территории сам Людвиг Баварский теперь лежит вывернутой наизнанку тушей, кишки разбросаны в стороны, а на высохшие глаза садятся мухи. Из груди вырвался непрошенный смешок – моя благоверная выблевала бы все свои хваленые смузи, предстань ее глазам такая сцена. Я люблю животных, но где-то в глубине души во мне зрело одобрение по отношению к хозяину неведомого карнивоора. Хищник должен охотиться. Почему-то мысль об оленьем трупе и о его свежей красной плоти, выставленной на всеобщее обозрение, пробуждала во мне лишь больший аппетит. Надо будет попробовать оленины.

Я недолго посидел на скамейке – той же, что и вчера, – торопливо выкурил сигарету и вскочил, почти бегом ринувшись к ближайшему китайскому рестораничку.

* * *

Когда часы церкви при кладбище пробили восемь, я, наконец, встал из-за стола. Работы за последнее время накопилось, я и не заметил, как засиделся допоздна. Пропущенных звонков на телефоне не было – обычно Анна звонила, когда я задерживался, но на этот раз как будто забыла о моем существовании. Оно и к лучшему.

До метро можно было дойти и обычной дорогой – через узкую Блюменштрассе, в прошлом – Улицу Палачей, а теперь небольшое клубное гетто Мюнхена, – но мой мозг слишком устал, чтобы воспринимать весь этот шум и неоновые огни. Я вновь свернул к кладбищу. В восемь вечера оба входа на кладбище оставались открыты, и можно было срезать угол, чем регулярно пользовались как велосипедисты, так и офисные крысы вроде меня.

Ночное кладбище очаровывало. Все эти древние надгробия, массивные кресты и золоченая роспись напоминали о старых добрых фильмах ужасов из тех времен, когда я был еще ребенком. Надрывались сверчки, над дальними могилами вились огоньки светлячков, а бэрлаух продолжал все так же благоухать, наполняя мои ноздри ароматами свежей лазаньи, пасты болоньезе и курочки кунг-пао.

Голоса я услышал, проходя мимо колонн колумбария. Не знаю, что меня дернуло, но я нырнул туда – в темноту неглубоких ниш, где частенько ночевали бомжи. Во мраке неровно поблескивали оранжевые огоньки сигарет. Когда глаза немного попривыкли, мне удалось распознать свою кладбищенскую знакомую в компании каких-то парней.

– Эй, привет! Это мне вы рассказывали про дзен, – бросил я дружелюбно и помахал рукой, вполне ожидая, что при своих знакомых она и не посмотрит в мою сторону, но готесса

удивила. Выйдя из тени – ей как-то удавалось горбиться даже стоя, – она подошла ко и как-то неловко поцеловала меня в небритую щеку. Из ее рта пахло зевом мусорного контейнера.

– Привет. Знакомься, это Огр и Бокасс, – указала она на тени в нише. Оба казались невероятно высокими и при этом тоже страшно сутулились, лица их были скрыты капюшонами. У одного из-под накидки торчала всклокоченная серая борода, лицо другого, кажется, было черным и вовсе терялось во мраке, лишь поблескивали лихорадочно блеклые рыбы глаза.

– Ты сама так и не представилась. Меня, кстати, Бенджамин зовут. Можно просто Бенни, – я протянул руку туда, во тьму, но тени в нише даже не пошевелились.

– Мы не ждем рук, – пояснила девушка поведение своих друзей, – Мы обнимаем друг друга за лица, вот так.

Она положила обе ладони мне на щеки и нежно провела по лицу, словно была слепа и пыталась понять, кто перед ней. Кружево перчаток щекотало нос, и я чуть было не чихнул.

– Теперь твоя очередь, – насмешливо предложила готесса. Вдохнув поглубже, я поборол смущение и залез руками ей под вуаль. Кожа у девушки была холодной и гладкой, словно резиновая форма для льда, но я не придавал этому значения – куда важнее был для меня, женатого мужчины, тот факт, что я сейчас трогаю лицо чужой, почти незнакомой мне женщины, а обручальное кольцо цепляется за многочисленные гвоздики пирсинга. Отняв, наконец, руки, я застыл, не зная, что делать дальше, а незнакомка удовлетворенно выпрямилась, оказавшись чуть ли не на голову выше меня.

– Кстати, мое имя Монт, если тебе интересно.

– Монт, – я мечтательно покатал на языке имя девушки, которая первая за несколько лет не смотрела на меня, как на прямоходящую свинью. Тем временем двое, стоявшие до этого поодаль, приблизились ко мне и, бросив сигареты на землю, по очереди провели ладонями по моему лицу. Их длинные ногти – дань давно ушедшей моде – слегка царапали кожу. На щеках, подбородках и бровях готов поблескивали какие-то гвоздики, скрепки и кольца, а у Бокасса на черной коже болталось несколько цепей, скрепляющих веки с ноздрями.

– И что ты здесь делаешь в столь поздний час, Бенни? – раздался хриловатый, бархатный голос Монт.

– Да так, решил срезать. Вы?

– Мы здесь... обитаем, – усмехнулась готесса, следом за ней всхрюкнул Бокасс. «Обитаем» – что за глупость? Странная все же компашка. Я вдруг понял, что взгляды неформалов клином сошлись на мне. Стало неудобно, где-то под ребрами мокро заворочался ком снега, а снизу я ощутил приступ «медвежьей болезни». Мысленно я быстро перечислил в голове все ценные предметы, что были у меня с собой – мобильник, кошелек, ключи от квартиры... Если они их у меня отберут, им же в руки попадет и мой айди с адресом, они смогут заявиться ко мне домой и даже что-то сделать с Анной. Станным образом, я даже на секунду понадеялся на такой исход событий. Что сейчас эта троица оберет меня до нитки – сопротивляться я не собирался – я пойду в участок, буду там размазывать сопли, тянуть время. Потом полицейская машина привезет меня к дому, мы зайдем в квартиру, а там...

– Ну ладно, мне, наверное, пора. Приятно было познакомиться.

Я медленно попятился от троицы фриков, словно проверяя, дадут ли они мне уйти. Те остались неподвижны, будто какие-то гротескные могильные изваяния. Облегченно выдохнув, я развернулся в сторону выхода из колумбария, но застыл. Волосы на затылке встали дыбом, кишечник бунтовал против всего остального тела, а снежный ком в груди растаял, заливая внутренности холодной, склизкой водой. Безликий ангел стоял прямо передо мной. Как я его только не заметил по пути сюда? Сделай я еще шаг – и пнул бы валуноподобный постамент, надписи на котором стерлись и теперь напоминали следы от когтей животного. Зеленоватое могильное свечение окутывало выщербленную фигуру. Вблизи обломки за спиной больше не походили на крылья, скорее на какой-то причудливый спинной гребень, руки казались не по-

человечески длинными, а губы – последняя деталь, оставшаяся от лица – хищно кривились не в презрении, но в готовности обнажить зубы. Так скалятся приматы, выставляя вперед мягкую плоть, чтобы обнажить острые резцы и клыки. Казалось, что стоит мне отвернуться, как тварь запрыгнет на спину, вцепится когтями в ребра и начнет питаться, как это делают гиены – не убивая жертву.

В суеверном ужасе я отшатнулся назад, уперся во что-то и тонко, по-бабьи вскрикнул.

Обернувшись, я увидел перед собой Монт.

– Ты как будто привидение увидел, – усмехнулась она, не меняя выражения лица. Где-то за ее спиной заливисто хохотал шакалом Огр, в тон ему попискивал цыпленком-пуховичком Бокасс.

Смушение подожгло мои уши и щеки: испугаться старого памятника на кладбище – что может быть глупее? Но, девушка, кажется, не придавала этому значения – взяв меня за руку, потянула за собой, в нишу.

– Пойдем, выпей с нами...

В голове уже выстроилась, обросла запятыми и интонациями заготовленная фраза о том, что мне пора, я устал, и дома меня ждет жена, но внутренний голос предательски шепнул: «Нет, не ждет!» Другого повода отказываться я не видел.

Оказавшись в нише, я неловко кивнул парням, что прижимались к стенам, не обращая на меня внимания. Только чернокожий гот продолжал тоненько попискивать, словно все не мог отсмеяться. Их кислое дыхание обдавало меня с двух сторон, и мне в голову непрошеным воспоминанием влезла морда собаки, которая у меня была в детстве – хулиганистого лабрадора Макси. Когда он возвращался с прогулки, запах из пасти у него частенько был точно таким же – это означало, что пес наелся тухлятины. Обычно в такие моменты я гнал его от себя, не в силах сдерживать рвотные позывы. Но сейчас все было не так плохо – все же готы не тыкались в меня мокрыми носами, а жуткий смрад из их ртов забивал запах черемши, который доходил до какой-то совершенно запредельной концентрации здесь, в нише.

– А что вы пьете? – полюбопытствовал я, чтобы прервать тягучее молчание и хоть чем-то заглушить насмешливое попискивание Бокасса. В ответ Огр погрузил длиннопалую кисть в перчатке куда-то в ворох лохмотьев и извлек оттуда грязноватую бутылку без лейбла. Даже слабого света далеких фонарей хватило, чтобы заметить болотно-зеленый цвет жидкости, в которой плескались какие-то растения. Тонкие пальцы ловко извлекли пробку, и запах забродившей черемши ударил в нос.

– Что это? – стараясь скрыть недоверие к странному напитку, поинтересовался я у Монт.

– Настойка на травах. Немного того, немного сего, живучка ползучая, папоротник, крапива, в основном, черемша, – неожиданно ответил Огр. Голосом это можно было назвать с трудом – казалось, он сипел, шипел и хрюкал, очень стараясь воссоздать явно ему не родную речь. Я еле избавился от соблазна посветить ему в лицо фонариком.

– И как это называется? – тянул я время, в надежде как-нибудь «соскочить» с дегустации этой дряни. Неожиданно резко зашипел Бокасс, перебиваясь на писк и рычание.

– Извини, он не разговаривает, – Монт строго посмотрела на своего темнокожего товарища, – Болезнь связок. У этого нет названия. По крайней мере, на известных мне языках. Но не опасайся, эта вышла не очень крепкая.

– А вы ее готовите сами? – притворно изумился я. Если бы какой-нибудь завод в Баварии выпустил нечто подобное, ТЮФ бы уже подписывал приказ об их закрытии.

– Да. Все травы мы собрали здесь и в Нимфенбургском ботаническом, – почти с гордостью ответила девушка.

– Ешь тот лук, что ест медведь, никогда не будешь тлеть, – невпопад проквакал Огр.

– Мне бы лучше похудеть, – в шутку я продолжил двустипшие, но тут же заметил, с каким недовольством на меня воззрилась Монт.

– Похудеть – легко. Насытиться – вот, что непросто.

– Ты же это несерьезно? Весь мир мечтает похудеть! Избыточный вес давно стал атрибутом уродства. Посмотри на всех этих моделей, звезд, законодателей моды – рельефные, гладкие тела, идеальные и прекрасные... И я – с растяжками, как у беременной бабы и целлюлитными ногами. В этом мире для таких, как я нет места, – закончил я дрогнувшим голосом. Откуда у меня эта гадкая привычка исповедоваться перед незнакомцами? Может, дело в том, что дома меня выслушать некому?

Бокасс как-то странно яростно откашлялся – словно выругался на другом языке. Монт неодобрительно глянула на чернокожего гота, после чего прокомментировала:

– Как видишь, Бокасс с тобой несогласен. И я. Нам тоже нет места под солнцем, но ты... по меркам наших предков ты – почти альфа-самец. Ты умеешь добывать еду, в тебе достаточно сил, чтобы прокормить себя и свою самку. Как по мне – вот это сексуально, – она выпрямилась во весь свой огромный рост и по-кошачьи потянулась, проведя темным тонким язычком по неподвижным густо напомаженным губам. Я отчетливо почувствовал, как кровь прилила к гениталиям, а в голове пронеслась череда картинок не самого целомудренного содержания, – Так что, выпьем?

Каждый из них по очереди приложился к бутылке, закидывая голову. С довольным фырканьем они, передавали напиток друг другу. Наконец, очередь дошла и до меня. Холодное, как лед стекло легло в ладонь, и сильный запах спирта пополам с черемшой ударил мне в ноздри так, что глаза заслезились. Я хотел было вытереть горлышко рукавом, но смутился – не хотел, чтобы новые знакомые подумали, будто я брезгую. С мыслью «А, будь, что будет!» я сделал глоток.

Геенна огненная, горящий напалм, азотная кислота и раскаленные угли, сдобренные вкусом свежескошенной травы прокатились по моему горлу и взорвались самодельной бомбой исламского террориста в желудке, больно втыкаясь в стенки поражающими элементами. Я закашлялся и хотел передать бутылку дальше, но готесса шагнула ко мне, мягко положила мне руки на плечи, прижалась бедрами к паху и сказала:

– До дна. За меня.

Поддавшись собственной похоти и какому-то неведомому отчаянию, всплывшему из глубин моей души, словно раздувшийся утопленник, я принял горечь и пламя напитка. Мелкие кусочки травы и веточки прокатывались по языку, внутренности горели, точно я заливал в себя средство для чистки труб. Но в мыслях был лишь тот факт, что сейчас, прижимаясь ко мне, Монт чувствовала мою эрекцию и, кажется, вовсе не была смущена. Даже наоборот – нежно терлась бедром о мой пах, улыбалась, но глаза под этими чертовыми линзами были непроницаемы. Как речные голыши, они ничего не выражали, неподвижно застыв в плену густо накрашенных век.

Когда бутылка опустела, я уже был пьян в стельку.

Мир кружился, будто размытая черная карусель. Я пошатнулся, потерял равновесие и чуть было не плюхнулся на плитку колумбария, но меня вовремя поймал Бокасс и помог опереться о колонну.

– Закусить надо, давай-давай, – прошипел Огр, протягивая неизвестно откуда взявшийся красный контейнер, в котором блестело темное влажное мясо.

– Что это? – вопрос был исключительно риторическим. Съесть я готов был сейчас что угодно, лишь бы перебить чудовищную горечь, вязавшую рот.

– Карпаччо из оленины. Я сама приготовила, – я уловил жаркое дыхание Монт над самым ухом, вуаль щекотала шею. По телу прошла горячая волна от ее близости. Когда я прикоснулся к мясу, оно оказалось слегка теплым, и мне вдруг стало невероятно интересно, такая же ли Монт мягкая и влажная там, внизу, как эти тонко нарезанные кусочки «мертвечины». Смотри, Анна, я поедаю трупы животных, приди сюда и останови меня!

Оленина оказалась на вкус немного кисловатой и горькой. Пахло от карпаччо, как от дорогого хамона – просоленного, повисевшего на солнце и засиженного мухами. Перед глазами почему-то встала картинка с висящими на крюках разделанными тушами, над которыми выются насекомые, и меж ребер которых проглядывают белые головки опарышей. Почему-то есть захотелось лишь сильнее.

– А вы будете? – опомнился я, проглотив, почти не жуя, два или три кусочка.

– Это только для тебя, – выдохнула Монт и укусила меня за мочку уха. По шее стекло что-то теплое, нервные клетки запоздало передали болевые ощущения в мозг. Какая страстная девчонка, что же она вытворяет в постели?

– Это очень вкусно, спасибо, – я слегка смущенно протянул контейнер Огру, но тот покачал головой.

– Не, это твой.

Я опустил глаза и хихикнул. И правда – мой. Как странно. Наверное, я его оставил здесь вчера, когда ушел есть стейк. Значит, Монт вернулась к скамейке, возможно, искала меня? Может, хотела взять номер телефона? Я еще раз внимательно посмотрел на девушку, но ее лицо ничего не выражало, словно высеченное из камня. Засунуть контейнер в сумку с первого раза не получилось, я несколько раз промахнулся мимо, и в конце концов отбросил в сторону чертов пластик – все равно эта сука не собирается больше для меня готовить.

Огр оторвался от стены, следом за ним и Бокасс, оба двинулись в мою сторону. На секунду я внутренне похолодел, решив было, что меня напоили специально, чтобы легче было обобрать, но парни обошли меня с двух сторон и двинулись куда-то во тьму кладбища. За ними последовала и Монт.

– Вы куда?

– К могиле Сатурна.

– Куда?

– Увидишь.

Пожав плечами, я побрел следом. Я и так перешел слишком много границ, чтобы затормозить перед этой. Достав телефон, я взглянул на дисплей, слегка сощурившись от яркого света – было уже без пятнадцати десять, но ни звонков, ни сообщений от Анны не поступало.

Оторвав взгляд от смартфона, я, к своему ужасу, увидел, как мои новые знакомые стояли вплотную к чертовому безликому ангелу, который теперь как-то странно клонился набок, будто пытаясь вцепиться зубами в шею Огру. На расстоянии стало особенно заметно, насколько эти трое высокого роста. Сутулые, почти горбатые, словно кладбищенские вороны, они склонились над постаментом, упираясь в него руками. Скрежет камня о камень был оглушительно громким в ночной тиши кладбища, ангел продолжал сползать на сторону, и когда я подошел ближе, на его месте уже зияла земляная дыра. По краям ее торчали корни, темнота внизу казалась осязаемой, живой, клубилась, как черная прогнившая жижа на дне коллектора.

– Давай за нами, – один за другим Огр, Бокасс и Монт спрыгнули прямо туда, в темную бездну. Подойдя к краю, я ощутил первобытный страх. Где-то глубоко в сознании зашевелился далекий предок, укрытый шкурой, панически тыкающий копьём во тьму. Со dna генетической памяти восстал древний запрет, перед глазами калейдоскопом пронеслись изображения пещерный медведей, саблезубых тигров, гигантских волков и чего-то еще, запредельного и ненормального. Того, для чего не стали придумывать имени, создавая речь.

Я помотал головой, неожиданно навалилась тошнота, прогнавшая трусливые мысли. Наверняка это какой-нибудь заброшенный склеп – как-никак, кладбищу больше четырехсот лет. Снизу раздались голоса, и показался свет яркого светодиодного фонарика.

– Ты где там? Не бойся! – дружелюбно, без подначки проворковала Монт. Лестницы в дыре не было, но высота была не больше полутора метров.

– А как мы отсюда выберемся? – подняться на руках у меня бы не вышло.

– Есть другой выход, – раздалось снизу. Компания двинулась вглубь, и я поторопился последовать за ними.

Прыжок вышел неудачным. Я сгруппировался, вдохнул воздуха и шагнул вперед, но зацепился за край, чуть не перевернулся и в итоге шлепнулся на задницу в влажную грязь. Передо мной в узком тоннеле прыгал огонек фонарика, удаляясь с каждой секундой, маня за собой, словно вилл-о-висп. Я поторопился вскочить на ноги и побежал за светом, несколько раз спотыкаясь о торчащие корни.

Нагнав компанию, я замедлил шаг. Монт пропустила Огра и Бокасса вперед и повисла у меня на руке. Кажется, моя жена так не делала с самого медового месяца. Парни шли впереди, согнувшись почти пополам. Почему-то мне в голову пришло, что им было бы удобнее ползти.

– А что это за тоннели? – спросил я, чтобы прервать молчание.

Ответил Огр:

– Для труповозов. Когда Альбрехт решил складывать зараженное мясо здесь, им пришлось прокопать тоннели, чтобы не оскорблять взоры благородных господ, – речь перемежалась недовольным шипением, словно это кощунственное действие оскорбляло лично Огра.

– Какой Альбрехт? – растерянно спросил я.

– Пятый. Герцог местный. Муж Анны Австрийской. Какая была красавица, – мечтательно произнес гот, – Какая целеустремленная. Жаль, что ее больше нет. Ей бы с нами понравилось...

Путь был долгим. Тоннель петлял, иногда на пути встречались ответвления, то шире, то уже, некоторые были размером с барсучью нору, не больше. Монотонный бубнеж Огра навевал сон. Давно я так не напивался – ноги заплетались, свет фонарика двоился в глазах. Взглянув на спину Бокасса, я прыснул со смеху.

– Ты чего? – спросила Монт.

– Он надел пиджак задом наперед. У него пуговицы на спине, – давясь от смеха, пояснил я.

Под ногами временами появлялись лужи грунтовых вод, сверху тоже капало.

В какой-то момент фонарик погас, и мы прошли в полной темноте добрые метров пятьдесят. Если бы Монт не держала меня за руку, я бы точно свернул себе шею.

– Огр, включи свет, Бенни ничего не видно.

Тот спохватился, и фонарик снова зажегся. Наконец, после получаса, а может, и часа пути, мы оказались перед деревянными воротами. Даже алкоголь в крови не смог заглушить чувство дискомфорта, которое я испытал при виде этих врат в преисподнюю. Толстые, поросшие бледными грибами бревна казались холстом какого-то безумного декоратора. Перекладина по центру была усеяна черепами. Желтые, серые, черные от мха и гнили, они скалились в беззвучном крике, а лобную кость каждого из них пронзало несколько крупных ржавых гвоздей.

– Ч-ч-что это? – неожиданно для себя я начал заикаться.

– Суеверия. Это не работает, – безразлично бросил на ходу Огр, распахивая врата. Тоннель резко расширился, ушел куда-то вниз. Никаких ступенек не было, держаться на скользкой сырой земле оказалось непросто. При каждом шаге я с усилием тормозил, чтобы не съехать на заднице по этой подземной горке. Мои сиськи тряслись от быстрой ходьбы, и я мысленно молился, чтобы Монт ничего не увидела в этой темноте. В определенный момент тоннель превратился в наклонную пещеру. В глубине шуршали невидимые крылья, повсюду раздавалось чье-то дыхание, и я затылком чувствовал, как цепкие взгляды следовали за моим силуэтом, а плоские носы дегустировали мой запах. Стало неудобно, фантазия придавала теням очертания страшных бесформенных созданий, хищно рыщущих в темноте. Я почти не удивился, когда в свете фонарика мелькнуло что-то живое, бледное, покрытое иглами. Попад в лучи, оно беспокойно заворчалось и поспешило прочь.

– Что это было? – я резко остановился, и ноги завязли в жирной земле. Кишечник недовольно ворочался, словно голодный питон, мне хотелось одновременно и поесть, и в туалет.

– Они не тронут. Не тебя.

Станным образом это заверение от Монт успокоило. Я даже испытал некое сочувствие к этому созданию, что не желало показываться на глаза и пряталось в глубине подземных лабиринтов, где, как я думал, самое место и моей безразмерной туше.

Мы спускались все ниже, и я чувствовал, как вокруг светового ореола скапливаются все новые и новые создания. К хлопанью крыльев и напряженному сопению прибавилось шуршание чешуи, треск костей, постукивание дерева и сосредоточенное чавканье. Они следовали за нами, не приближаясь к световому кругу от фонаря, и это успокаивало. Я осознавал, что даже если сейчас, пьяный в дрова, увижу все то, что великодушно скрывает тьма, то мое сознание разобьется на мелкие осколки, потеряет любые границы и покинет меня окончательно. Перед глазами все плыло, мир превратился в какую-то тошнотворную карусель, к горлу подкатило, и я вывалил на землю содержимое своего желудка. Бокасс повернулся, взглянув на красноватую лужицу как будто с аппетитом, но Монт шикнула на черного парня, и тот пошел дальше вперед.

Пещера сужалась, в свете фонаря начали проявляться земляные стены с длинными свисающими корнями, запах сырой земли и грибов почти пропал. Его заменило нечто аппетитное, похожее на то, как пахнут китайские вантаны, итальянские равиоли или украинские вареники с вишней, и к нему примешивался аромат сырого лежалого мяса. Луч фонаря выхватил из тьмы что-то громадное, неуместное здесь, под давящей массой земли, камней и асфальта.

Эта богохульная, не имеющая ничего общего с творениями рук человеческих гигантская фигура имела в самой своей природе нечто запредельное, словно видение о нем пришло неведомому скульптору в голову из иных миров, откуда-то с края Вселенной, где в окружении слепых богов-идиотов бурлит ядерный хаос, извергая смерть и безумие в нашу реальность.

Теперь я осознал, что безликий ангел на кладбище – не жертва времени и стихий, а лишь некачественная копия чудовищного оригинала. Словно гавайские цветочные венки с шеи омерзительного творения свисали блестящие от крови кишки, прибитые гвоздями кости людей и животных покрывали влажную от крови скальную породу. Монт отпустила мой локоть, Огр и Бекасс отошли за спину, и я оказался совершенно один перед чудовищной статуей. В колыбели из сложенных вместе, переплетающихся пальцами, почти сросшихся рук что-то шевелилось и разворачивалось, возвышаясь над вскрытой и расчлененной оленьей тушей. Это нечто было отвратительно и одновременно притягивало взгляд, оно бесконечно двигалось и шевелилось, будто какое-то причудливое морское животное, анемон или морская звезда. Дыхание в груди замерло, я чувствовал, как за моей спиной все продолжают прибывать странные существа, но не мог оторвать взгляд от того, что сейчас перекатывалось на камне там, наверху. Мое сердце наполнялось ужасом и восхищением, священным экстазом. Из глаз градом катились слезы, вопрос сорвался с губ сам, минуя сознание:

– Это бог?

– Его часть, – шепнула мне на ухо Монт.

– Он прекрасен.

Сползая с ложа, бесконечно шевелящаяся масса потянулась ко мне, скручиваясь в длинный тонкий жгутик, из белых, самоподобных жгутиков поменьше. Влажная, беспрестанно движущаяся плоть приблизилась к лицу и нежно погладила по щеке, губчатое нутро существа поблескивало черными глазенками. Тонкие черви отделялись от шупа, и мягко, словно стараясь не причинять неудобств, заползли мне в нос. Я чувствовал, как они один за другим скатываются по носоглотке в пищевод. Хотелось остановить все это, выплюнуть странных созданий, засунуть два пальца в глотку, но я не мог пошевелиться. Не мог оторвать взгляд от древнего клоачного божества, стёкшего со своего тошнотворного ложа.

Мелкие твари вкручивались тонкими хвостиками мне в мозг, в глаза и желудок. Глазки на губчатом теле пронзили мое сознание, пролистав мысли и воспоминания. Черные зрачки налились неопишным цветом, открывая мне то, имени чему нет. Перед тем как отключиться, я услышал радостное, многоголосое:

– Принял! Он тебя принял.

* * *

Утро встретило меня жутчайшим похмельем. Ужасно хотелось есть. Я мог почти слышать, как визжит желудок, требуя насыщения. Пошатываясь, я побрел к холодильнику, открыл дверцу и понял, что дома мне есть нечего – все эти бобы, травы и овощи вызвали вместо аппетита омерзение. Анна, судя по звуку льющейся воды, была в душе. Нужно поторопиться.

Запахавшись после бега, я уже стоял у кассы, притопывая на месте от нетерпения. Кассирша пожелала мне доброго дня, но я не ответил – все внимание было поглощено небольшим белым пакетом в руке. Стоило мне выйти из магазина, как я порвал вощеную бумагу пальцами и впился резцами во влажный кусок. Мясо было жесткое, свежее, пожалуй, даже слишком свежее. Ему нужно было бы немного полежать.

Стоило мне открыть входную дверь квартиры, как мозг просверлил нервный окрик:

– Бенджамин, ты совсем придурок? Что это за херня?

Обреченно вздохнув, я пошел на голос. Анна стояла у края кровати и указывала пальцем на грязные следы на простыне, где лежали мои ноги. Неужели я вчера добрался до дома босиком? Постельное белье было испачкано какой-то землей, маленькими веточками и листьями.

– Не знаю, милая, откуда это. Сейчас уберу.

– Куда ты денешься? Где-то шляется весь вечер, вдобавок... – она осеклась, взглянув на меня, после чего брезгливо фыркнула, – Выглядишь как свинья, так еще и ешь как свинья.

Я провел пальцами по подбородку. На пальцах осталось немного темной крови от съеденного мной куса говядины.

– Уйди с глаз моих. И постриги ногти на ногах – ты испортил носки.

Опустив глаза на ноги, я увидел, что ноготь большого пальца и правда прорвал носок и теперь торчал наружу заостренным концом. Пора было собираться на работу.

* * *

Не знаю, чего я ждал, идя на кладбище. Не живет же она там, в самом деле? Или все же...

Вдыхая густой аромат черемши, я методично обходил участок за участком в поисках Монт, но, кажется, был единственным посетителем этой обители скорби. Лишь мой старый знакомый – кладбищенский ворон – скакал по бортику фонтана, вылавливая какие-то крошки из воды.

Сев на «свою» скамейку, я привычно достал новый зеленый контейнер из сумки – Анна не забыла меня отчитать за потерю предыдущего. Внутри свалывшимися коровьими лепешками лежал домашний фалафель. Есть хотелось ужасно, но мозг словно отрицал саму возможность того, что эти желтоватые комочки вообще могут быть пищей. Раньше я бы сходил в какую-нибудь кафешку за пастой карбонара, уткой в манговом соусе или еще лучше – за меттвурстом с луком. К сожалению, посещению кафе состояться было не суждено – Анна заблокировала мою карточку, чтобы я «не транжирил семейный бюджет на свое брюхо».

Пытаясь настроиться на трапезу, я открыл телефон и принялся читать новости. Газеты голосили о происшествии в Хайдхаузене – якобы кто-то влез в морг при кладбище и «чудовищно надругался над телами усопших».

«Куда хуже, когда надругаются над живым человеком» – подумал я, засовывая в рот рассыпающийся кусочек фалафеля. Фу. Нет, не могу это есть. Я выплюнул желтую дрянь, которая, кажется, состояла из опилок и песка. От отчаяния я чуть не разрыдался. Живот крутило, на виске пульсировала венка, в ушах гудело бесконечное «Голоден, есть, есть, голоден, поешь, умираю от голода!» Взгляд мой упал на ворона.

– Хорошая птичка, кис-кис-кис, иди сюда, – заворковал я, осторожно ставя контейнер с веганским дерьмом себе под ноги. «Какой кис-кис-кис?» – подумал я, а сам медленно, по сантиметру подталкивал контейнер в сторону птицы. Ворон явно заинтересовался – птица наклонила голову набок и внимательно следила за моими поползновениями.

– Ну же, хорошая птичка, иди сюда. Ко мне, скорее! Я для тебя приготовил что-то вкусное!

Ворону совершенно очевидно хотелось приблизиться к лакомству, но присутствие человека заставляло быть настороже. Он недовольно каркнул, словно прогоняя меня от контейнера, но я был непреклонен и продолжал отодвигать от себя емкость. Птица попрыгала немного из стороны в сторону, взмахнула крыльями, но в конце концов сдалась и с опаской поскакала ко мне. Наверное, в маленькой голове сейчас вертелись такие мысли: «Люди не опасны. Люди оставляют еду. Тем более, не опасна эта неповоротливая бескрылая туша. Я схвачу еду раньше, чем она среагирует».

Но я среагировал. Когда чернокрылый гость моего стола оказался достаточно близко, я прыгнул с места, выбросив руки вперед. Пальцы сомкнулись на хрупком тельце ворона, хрустнули косточки. Птица била крыльями и долбила клювом наугад, но я сдавил сильнее, и остатки жизни покинули маленькое сердечко.

Выплывая перья и пух, я жрал пойманного ворона. Мясо было жестким, железистым, отдавало бензином и мусором, но при этом казалось мне амброзией. В голове возникла странная мысль – если дать мертвой птице полежать под камнем неделю-другую, будет еще вкуснее. Когда от несчастного ворона остались лишь кости и перья, я сбросил обеды в кусты, под ноги безликому ангелу. Может быть, так упала тень от деревьев, но, кажется, статуя улыбалась. Но, по крайней мере, страха полуразрушенный памятник у меня теперь не вызывал. С вызовом я сорвал из-под ног ангела листочек черемши и удалился с кладбища прочь, пожевывая кислотовато-пряную траву.

* * *

Когда я пришел домой, Анна вновь разоралась. Лицо ее было красным, прическа растрепанной, а от волос пахло сигаретами, хотя я знал, что она не курит. Причиной недовольства было то, что я не позвонил и не написал ей перед тем, как поехать домой – мол, она не знала, когда начать готовить ужин.

– Но ты же сказала, что не будешь больше для меня готовить, – злопамятно парировал я. Зря.

– Идиот! Думаешь, я могла позволить тебе ходить по кафе и жрать тот мусор, который ты обычно заказываешь?

– Об этом можешь не волноваться. Карточку-то мою ты заблокировала, – эти крики стали для меня в некоторой степени привычным шумовым фоном и уже не выводили из себя, но вот ее слова могли кого угодно выбить из равновесия.

– Да, заблокировала. И правильно сделала! Ты же не можешь себя контролировать, жрешь при любой возможности! Если бы у тебя на работе вместо кресла был унитаз, ты бы и вовсе не вставал с места.

– Знаешь, кажется, ты переходишь границы, – я немного повысил голос.

– Твои бока уже перешли все границы! Плевать, – она бросила быстрый взгляд на свой телефон в руке и направилась в другую комнату, фыркнув на ходу, – Не забудь поштричь ногти.

С недоумением я воззрился на пальцы ног – я же стриг ногти перед выходом на работу! Из дырок в носках торчали желтые, заостренные пластины. Точно такие же оказались и на руках.

– Милая! – окликнул я жену, – А ты не помнишь, как я вчера вернулся домой?

Анна резко остановилась, повернулась, растерянно посмотрела на меня, словно вопрос застал ее врасплох, после чего бросила сварливо:

– Знаешь, спустись-ка уже со своих облаков в реальный мир. Я не помню, как ты вчера пришел домой, и мне, честно говоря, плевать! Просто мбй в следующий раз ноги, прежде чем идти в постель!

– Подожди-ка, как это не помнишь? А где ты была сама?

– Дома, придурок! – взъярилась она, – Я была дома! Знаешь, что? Иди ты в задницу! Подумай лучше вот о чем – я решила быть чайлдфри исключительно из-за тебя, не хочу, чтобы из-за твоих гнилых генов мой ребенок был таким же рассеянным, тупым, жирным уродом!

Остаток вечера я просидел один в комнате. Лазил в интернете, смотрел телевизор в наушниках, чтобы не мешать жене, ушедшей в спальню. Почитал немного про черемшу. Оказывается, у той было немало полезных свойств. Во-первых, огромное количество витаминов, чем регулярно пользуются медведи, восстанавливая организм после зимней спячки. Во-вторых, черемша обеззараживала пищу и придавала подпорченному мясу более приятный вкус и запах. Кстати, о запахах. Станным образом, я очень хорошо чувствовал, чем пахнет каждый предмет, окружающий меня. Суховатой пылью – книги на полке, средством от моли – одежда в шкафу, кислым потом – мои собственные подмышки, стиральным порошком – плед на диване. От обилия новой информации голова кружилась, и я еле держал равновесие. Надо было идти в постель.

Анна давно уже спала. Я тихонько разделся, чтобы ее не будить и юркнул под одеяло. Сон не шел. В комнате было слишком светло. Я встал, закрыл занавески, опустил жалюзи, но все еще мог разглядеть каждый волосок на голове жены. А под затылком чуть ниже торчала из-под одеяла худая бледная шея. Взглянув на нее, я почти почувствовал, как под тонкой кожей пульсирует яремная вена. Неожиданно я заметил, что скалюсь, как животное. Хотелось впиться зубами в эту беззащитную шею, вгрызться в позвонки, высасывая костный мозг, как из суповой косточки. Прогнав дурные мысли, я отвернулся к стене. Уже засыпая, я услышал из другой комнаты хлопок подвального люка.

Мне снилось, что Монт пришла ко мне из того самого люка и провела подземными тропами в пещеру. На этот раз я видел все без фонарика, и зрелище, представшее моим глазам, было одновременно грустным и прекрасным. Подземные создания – печальные, болезненные. Истощенные и покалеченные, они неуклюже перебирали отростками, приближаясь ко мне, проводили атрофированными пальцами по моему лицу, прижимались к ногам. Тощие, сторбленные женщины, покрытые кто чешуей, кто шипами, как у дикобраза, они все смотрели на меня со смесью скорби и надежды. В ушах приятно журчал ручеек слов Монт:

– Много лет назад, мы не вышли за вашими предками из пещер, а отправились вглубь. Нас мало, и с каждым столетием все меньше. Мы не живем долго, но наши роженицы уже ни на что не способны...

Она указала на стену, где в нишах, подобно диковинным урнам, стояли прислоненные к стене узкие иссушенные тела, лишённые конечностей. Почти мумии, но я видел, как вздымаются торчащие ребра, как дергаются запавшие, выгнившие носы.

– В земных недрах наши предки нашли Их. Боги научили выживать в пещерах, искать пропитание, ходить под землю... Мы будем жить, пока носим богов внутри себя.

Мы все спустились, и вот уже показалась циклопическая безликая статуя. Теперь я мог видеть, что стены вокруг испещрены следами когтей, как и валун под кладбищенским ангелом.

В их расположении виделась система. Не в силах прочесть ее, я осознавал, что царапины рассказывают историю. Непроизносимую ни на одном на человеческом языке летопись подземного народа.

– Мы еще не знали, что закрытые общины обречены на вырождение. Кровосмесительные союзы оставили следы, – Монт кивнула на вросшего в стену несчастного, с грустно-дебильными глазами. – Немногие сегодня способны добывать еду, и, тем более, выходить на поверхность. Нам нужен новый альфа. Нужна новая кровь. Ты, Бенджамин – наша надежда...

Она говорила и говорила, но я уже не слушал. Беспреданно шевелящиеся жгутики тянулись к моему лицу, а невыразимого цвета глаза бога проваливались сами в себя, словно бесконечно глубокие колодцы, в которые стремительно падало мое сознание...

* * *

– Просыпайся! Вставай, говнюк! Какого, мать твою, хера происходит? Ты это мне назло, да?

Постель в ногах была снова испачкана какими-то черными разводами. Взглянув на ноги, я установил их источник и ретировался в ванную, подальше от криков Анны. Попытки подстричь ногти ни к чему не привели. Щипчики не налезали на эти чудовищные роговые пластины, а ножницы просто сломались. Теперь мои ноги больше походили на кротовьи лапы, чем на человеческие конечности. Долго находиться в ванной было неприятно – запахи бытовых средств и мыла душили меня, казалось, я слепну из-за обилия химических соединений, витающих в воздухе. К тому же, я был ужасно голоден.

На этот раз не повезло соседской кошке. А нечего! Нечего выпускать домашнее животное на улицу, нечего было кормить меня травой, нечего было мне перекрывать кредитки. Оказывается, мои новые ногти отлично подходят для разделки мяса. Я без труда отделял жилы, конечности и волокна от тельца, стараясь не жадничать. Как только я почувствовал, что немного насытился, я сложил останки под балконом дома и прижал сверху тяжелой кипой рекламных газет – это на потом.

Сосредоточиться на работе не получалось. Цифры не задерживались в голове, названия организаций путались, все мысли занимала Монт. Стоило церкви прозвонить двенадцать, обозначая перерыв, как я, обогнав всех своих коллег, вырвался на улицу и побежал к кладбищу. Мы должны встретиться. Она должна быть там. Я чувствую это.

Но нет. Ни девушки, ни ее спутников, лишь запах черемши и ангел. Зато из мусорки тянуло чем-то сладковато-прогорклым. Запустив руку внутрь, я вытянул изрядно подгнившую половинку охлажденной курицы. Когда-то розовое, теперь мясо превратилось в склизкую серую мерзость, и слюни текли по моему подбородку от того, насколько это было аппетитно. Я никогда не задумывался, что гной по вкусу похож на соус бешамель, а мухи, садящиеся на еду вовсе не мешают, а даже дополняют блюдо.

После обеда сидеть за столом на работе стало совершенно невыносимо. Казалось, удобные туфли заменил испанский сапожок. Пальцы гнулись, упираясь ногтями в стельку, стопа была болезненно сжата со всех сторон. Не без труда я стащил чёртовы пыточные инструменты с ног и остаток дня просидел босиком.

* * *

Дома пахло странно. Чем-то соленым, потным. Будто кто-то парился в бане. Я недоуменно вертел головой, пытаюсь отыскать источник запаха, но не находил его. Попытался поцеловать жену при встрече, но та отвернулась, скривившись:

– Ты что, дерьма наелся? Иди почисти зубы!

К странному аромату прибавились нотки хлорки. Они были несколько четче и оформленнее, имели конкретный след, по которому я и пошел. Анна с удивлением и опаской наблюдала за тем, как я шевелю носом, стоя в коридоре, и направляюсь к ванной. Здесь запах стал насыщеннее, он повел меня к корзине для грязного белья. Наклонившись, я обнаружил источник. На самом верху лежали черные кружевные трусики Анны. Источником запаха была белая засохшая капля на внутренней стороне.

Нет. Мне не хотелось верить в реальность того, что я обнаружил. Направившись в спальню, я прильнул носом к простыне и там было еще. Нет, никакой ошибки быть не может. Это совершенно точно мужская сперма. И точно не моя.

Я сидел на полу, положив голову на край кровати, не зная, что делать дальше. Дикая, нечеловеческая ярость разрывала сердце изнутри, хотелось пойти на кухню и вцепиться в лицо Анны когтями, высосать глаза, как сырые яйца, выломать ребра, раздробить зубами позвоночник, уничтожить все, что я когда-то боготворил и любил. На сознание будто навалилась могильная плита.

Это супружеское ложе, что я несколько лет делил с чужим мне человеком, эти стены, этот шкаф с вещами, которые когда-то принадлежали мне – все стало несущественным, чуждым. Осознав нечто бесконечно важное, чему не нашлось слов, я пошел в подвальному люку и стал раздеваться. С недоумением – какое отношение ко мне имеют эти тряпки? – я остервенело сбрасывал с себя одежду, ненароком дырявя ее ногтями.

– Ну и что это за стриптиз? – раздался из-за спины недовольный голос женщины, с которой я когда-то был счастлив.

Не отвечать. Она уже не имеет значения. Ничто на поверхности больше не имеет значения. Я открыл люк подвала и спустился вниз. Анна ныла добрые года три, что нужно установить здесь свет, но я так и не собрался. Больше и не пригодится – в темноте я видел отлично. В нижнем углу плесневелой бетонной стены, как я и ожидал, зияло черное отверстие, плохо прикрытое фанерой. Сверху, из комнаты, как из другого мира раздавалось:

– Э, алё, я к тебе обращаюсь? Чего ты там шарисься?

Наверное, комично выглядело, как толстяк ныряет в дыру кверху задом, но свидетелей у этой сцены не было. Узкий тоннель послушно расширялся под движениями рук, которые, казалось, были идеально приспособлены для такой работы. Нос служил рулевым, направляя меня по слабой ниточке аромата вареников и заветренного мяса, но теперь я точно знал, что так пахнет бог. Мой бог.

Монт встречала меня под безликой статуей Сатурна. Гигантские губы изваяния были покрыты свежей кровью, в ложе рук шевелилось, разворачивалось и влажно блестело тело божества, священная колония, что дает таким как я право на счастье. Девушка возлежала прямо на земле, запачкав черное платье. Ее босые ноги были разведены в стороны, выставляя на обзор темное лоно.

– Наконец-то, милый. Теперь ты готов.

Я взял ее быстро, резко, как спариваются животные. Ее плоть была жесткой, костлявой и холодной. Неуклюжим ламантином я колыхался у нее между ног, но уже не думал о том, как выгляжу. Здесь я дома. Здесь мое место. Обитатели пещер начали собираться вокруг, и на секунду мое человеческое смущение подняло голову, эрекция спала, спина покрылась холодным потом. Женщина-дикобраз; чешуйчатая безногая тварь; несчастное создание с головой, подвешенной между ног – все они были здесь, рядом, смотрели на мое бесформенное омерзительное тело. Осторожно, с благоговением они по очереди касались меня.

– Не волнуйся. Они всего лишь хотят поприветствовать тебя, – промурлыкала Монт и поцеловала меня. Губы ее были холодными, склизкими, а язык – горячим и длинным, он залез мне в глотку и извивался там, подобно могильному червю. Невпопад подумалось, что таким языком должно быть удобно залезать в кости, чтобы вынимать вкусный костный мозг. Ото-

рвавшись от поцелуя, я заметил, что принятые мной за пирсинг блестяшки оказались шляпками гвоздей, булавок и скобами степплера. Я вытянул палец над ее фальшивым лицом и разрезал пополам кожу, украденную Монт из морга в Хайдхаузене.

– Настоящая ты красивее, – сказал я, разглядывая слегка вытянутую, клыкастую морду с белыми бельмами глаз, и вновь поцеловал девушку. Из рта у нее восхитительно пахло тухлыми яйцами и сигаретным дымом.

* * *

Анна проснулась в ночи от громкого стука в соседней комнате. Вот уже добрые полгода она спала вполглаза, ожидая, что в любой момент Бенджамин начнет ковыряться ключом замке. Хорошо, что она сменила личинку. Полиция знатно посмеялась, когда она сказала, что тот залез в дыру в подвале и пропал – с его-то громадной задницей и брюхом это казалось действительно фантастичным. Спать одной ей не нравилось, но у Франка есть своя семья, так что позволить себе частые ночевки он не мог. Так было и в эту ночь.

Вдруг в дверном проеме появились долговязые тени. Девушка хотела закричать, но что-то тощее и костистое метнулось под кровать. С двух сторон от постели выросли фантазматично-длинные руки и прижали ее голову к подушке, заткнув рот. Из тьмы коридора ступил некто. В слабом свете фонаря, проникающем через занавески, она сначала приняла его за Бенджамина, но быстро поняла, что ошиблась. Лоснящаяся, похожая на резину кожа, беспрестанно шевелящийся вытянутый нос, черные, блестящие как маслины глаза отрицали, что это существо – человек. За ним в комнату вошли еще двое. Первый не имел ни губ, ни век, ни носа и единственный носил одежду. Вторая – невероятно тощая и нагая, с круглым раздутым животом, и лицом, напоминающим собачью морду. Из-под кровати на длинной костистой шее выплыла черная голова, с нее клоками слезала кожа, обнажая блестящую плоть.

– Ты так и не приучилась запирасть подвал. Знакомься, моя дорогая травоядная, – голосом Бенджамина заговорила тварь в центре. Его руки были сложены на груди, точно он держал что-то очень ценное, – Это наша новая семья.

Одетый рассмеялся гиеным смехом, голова из-под кровати по-цыплячьи запищала.

– И, как любой глава семьи, я несу некоторую ответственность, в том числе и за тебя, за все те годы унижений и ограничений, лжи и измен, – речь Бенни сбилась на злобное неразборчивое шипение. Беременная упырица погладила его по плечу, словно успокаивая.

– Бенни, – промычала Анна сквозь пальцы, надеясь достучаться хоть до чего-нибудь человеческого в нем. Но в ответ бывший муж лишь покачал головой.

– Теперь меня зовут иначе. – Он захрипел, захлюпал горлом, будто откашлялся. – А тебя ждет иная жизнь. Никакого больше веганства.

Черные руки держали крепко. Анна могла лишь в ужасе наблюдать, как нечто, бывшее когда-то Бенни, подносит к ее губам извивающийся комочек тонких червей.

– И никакого «чайлдфри». Бокасс, поддержи «роженицу», – злобно бросил Бенджамин, запихивая длинными когтистыми пальцами паразитов ей в глотку. В его черных, мутных глазах разворачивались тела червей, гипнотизируя своими движениями Анну. Она почувствовала, как ночные гости взялись за ее конечности с четырех сторон и с силой потянули. Проваливаясь в великодушную бездну беспамятства, девушка продолжала слышать треск рвущихся суставов и гиены смешки упырей.

Технические жильцы

Дом моего детства почти не изменился. Немного поблек кирпич, пообсыпался кафель с пандуса, но в остальном – ровно такой же, как и раньше. Только вместо бабушки-вахтерши в будке консьержа сидит молодой ЧОПовец и режется в телефон. Тогда, пятнадцать лет назад, чтобы провести Вику мимо бдительной старушки в очках с толстыми линзами, мне пришлось загородить ей обзор, пока девушка прошмыгнула за моей спиной к лифтам.

Полагаю, мимо сегодняшнего ЧОПовца можно было бы просто пройти, не сказав ни слова. Я вот уже пятый раз за день иду через подъезд с огромной сумкой на колесиках, а он лишь лениво кивает. Форма сотрудника коммунальных служб странным образом внушает доверие и безразличие окружающим. Лифт оставался все таким же бесшумным, никакие царапины и граффити не покрыли его стены. В пассажирский с сумкой я не влезаю, пришлось дожидаться грузового.

Дверная пружина скрипнула до боли знакомо, пропуская меня на лестничную клетку, откуда я направляюсь к техническому этажу. Замок, конечно, с тех пор успели сменить, но, как у сотрудника коммунальной службы, у меня есть ключи. Пришлось поставить не одну бутылку местным царькам, чтобы получить должность в управляющей компании, обслуживающей именно этот дом. Я тащу вверх по лестнице вот уже пятую сумку. Пальцы почти одеревенели, пот стекает по спине под курткой. Через наше прошлое жилище пройти было нельзя – там давно уже поселились другие люди. Поднимаясь на последний, двенадцатый этаж к зловещим Дежурным, я невольно вспоминаю, с чего все начиналось.

Когда мне исполнилось тринадцать, отец купил новую квартиру в кирпичной новостройке, расположенной в новом микрорайоне на окраине Мытищ. Он чем-то серьезно помог застройщику, поэтому жилье досталось нам «по знакомству» за полцены. До этого мы жили на первом этаже хрущевки, и из вентиляции в дом постоянно заползали тараканы и блохи, а у двери мусоропровода всегда можно было встретить пару откормленных лоснящихся крыс. Теперь же мы переехали на последний – одиннадцатый – этаж, в подъезде сидела пожилая консьержка, а само здание было свежим и чистым, как с иголки.

Жили мы с отцом вдвоем. Мама пропала, когда мне было десять лет. Я вернулся из летнего лагеря и просто не обнаружил дома никаких следов ее присутствия. Отец нехотя сообщил, что мать собрала вещи и сбежала, не сказав ни слова. Папа ужасно злился каждый раз, когда кто-то случайно упоминал его жену в беседе. А злить его было опасно.

Куплена была обычная «двушка», но отец, понимая, что двум мужчинам будет тесновато на столь небольшой территории, еще на стадии строительства нашел решение. Технический этаж находился прямо над нами и являлся, по сути, просто пустым помещением с полыми колоннами и пилонами на месте несущих стен. Переговорив с застройщиком, отец занес кому надо в БТИ и в управляющей компании, после чего прорубил люк прямо посреди гостиной, построив новые стены прямо над нашей квартирой. Совершая такие сделки, он любил приговаривать: «Все покупается и продается, сынок. У всего есть цена, кому хватит коробки конфет, кому – пухлого конверта, кому-то – ответной услуги. Купить можно все – вопрос в цене!»

К моменту переезда на второй этаж уже вела лестница, а наверху находилась пара комнат и отдельный санузел.

«– Теперь, сын, можешь занимать „зал заседаний“ сколько влезет!» – пошутил отец на новоселье.

Также между туалетом и импровизированной библиотекой находилось небольшое помещение, куда умещалась только стиральная машинка и стеллажи со старыми вещами. В этом закутке в стену была врезана большая металлическая дверь с глазком. Пожарная инспекция закрыла глаза на явные нарушения норм безопасности в обмен на некие лекарства из-за рубежа

для одного из начальников, но на установке двери настояла. Отец видел в этом исключительно необходимое неудобство. Я же разглядел возможность.

Курить на балконе было опасно и глупо – пепел оседал на карнизе ниже, помню, как я по утрам панически стряхивал его на улицу, пока отец не увидел. Узнай он, что я курильщик – оторвал бы голову. Так что теперь у меня появилось собственное убежище для моей маленькой греховной привычки. Разумеется, сначала нужно было дожидаться, пока папа уляжется спать – иначе он мог бы услышать, как открывается дверь наверху. После приходилось осторожно, по сантиметру, поворачивать дверную ручку до легкого щелчка, и, положив тапок на порог, чтобы дверь не захлопнулась, красться в самый дальний угол. Мне – с моим-то ростом – всегда надо было пригнуться, чтобы не стукнуться головой о слишком низкую для меня притолоку. На техническом этаже по ночам было темно, так что я брал с собой мобильник – у меня тогда была старая Нокia с фонариком. Меня всегда пугала мысль о том, что дверь в квартиру закроется, и я окажусь замурован на чердаке – ключей от двери ни на крышу, ни на лестницу у меня не было, поэтому я всегда по несколько раз проверял, крепко ли в проеме сидит тапок. Мысль о том, чтобы попросить отца меня высвободить, казалась мне еще более абсурдной и пугающей.

Стоя между серых бетонных пилонов, слушая, как щелкает электропривод лифта и жужжит лебедка, я наслаждался своей крошечной вольностью. В мозгу тоже щелкало метафорическое реле, переключаясь между мыслями о тирании дома на фантазии о свободе за его пределами.

Происшествие, которое спустя добрые пятнадцать лет вновь привело меня сюда, в отчий дом, случилось через полтора года, после нашего переезда. Я был влюблен в одну девочку. Высокая, стройная, с длинными, крашеными в блонд волосами. Вика училась на два класса старше меня и тем летом как раз покинула школу после девятого. Сейчас я уже не вспомню, где я добыл ее телефон и уж тем более – как набрался смелости позвать на свидание.

Дотащив тяжелую сумку до той самой злополучной ниши, я прислоняю ее к четверем таким же. Подхожу к подоконнику заложеного кирпичом окна и извлекаю из темной щели полупустую пачку «Вест Лайт». За годы сигареты высохли и были отвратительны на вкус, но мне было все равно. Это – вкус моей юности. Вкус тех дней, когда Вика все еще была среди нас.

Помню, мы сидели в кино, и я обливался потом – от смущения, а вовсе не от жары. Райан Рейнолдс в «Ужасе Амитивилля» как раз волочил топор по доскам сарая, направляясь в дом, чтобы расправиться со своей семьей, когда Вика сама взяла мою руку и положила себе на плечо. Как же тогда колотилось сердце и потели ладони от осознания того, что девушка, которая мне так нравится, сейчас сидит рядом со мной и позволяет себя обнимать! По Мытищам ходили разные слухи, исходя из которых можно было предположить, что Вика куда более опытна в отношениях, нежели я, но на тот момент все это казалось мне неважным. Когда мы вышли из кино, на улице накрапывал противный мелкий дождь, погода испортилась, и холод заставлял кожу покрываться мурашками. Я благородно отдал Вике свою ветровку, сам дрожа от промозглого ветра, но я ни за что не хотел, чтобы это свидание заканчивалось. Она предложила посидеть где-нибудь в подъезде, но мне в голову пришла мысль, что можно пойти ко мне. Тогда это казалось удачной идеей.

Мы направились из Перловки в Новые Мытищи и, несмотря на холод, я шел гоголем, представляя, как ее, девочку из обычной девятиэтажки, должно быть, впечатлит двухъярусная квартира с огромной террасой, плазменным телевизором, кондиционерами и кожаными диванами. Умом я, конечно, понимал, что гордиться здесь откровенно нечем – все это было куплено на деньги отца, моих достижений здесь не было. Но все же, сам тем временем фантазировал, как Вика будет с восхищением осматривать наши хоромы. Антикварный немецкий мотоцикл тридцать седьмого года под лестницей, гигантские напольные часы, дизайнерский кухонный гарнитур и резные деревянные картины ручной работы. Я заблаговременно позвонил отцу, и

по шуму на заднем плане определил, что он еще где-то в Москве и, похоже, домой не торопится. Спроси я его напрямую – тут же навлек бы на себя подозрения.

Если Вика и была восхищена внутренним убранством, то виду не подала. Вела себя так, словно посещала квартиры миллионеров по десять раз на дню. Это меня слегка разозлило и раззадорило, и я, чтобы показать ей, кто здесь полноправный хозяин, словно в американских фильмах шаблонно спросил: «Не желаешь чего-нибудь выпить?»

Вика попросила martini, но в отцовском шкафу из початых бутылок были только разномастные коньяки и восемнадцатилетний – единственный совершеннолетний в квартире – «Чивас Ригал». Недолго думая, я набрал льда из морозилки в два стакана, взял бутылку, и мы отправились на второй этаж, в мою комнату. Если бы я тогда знал, чем все кончится, я бы ни за что не брал с собой алкоголь.

Мы сидели на полу по-турецки, друг напротив друга. Вика пила, словно заправский ханыга, занюхивая виски собственными волосами. Я даже слегка опешил, глядя, как она опустошает стакан за стаканом, в то время как мои «на два пальца» продолжали плескаться в стекле вместе с тающим льдом. В какой-то момент в голове даже промелькнула мысль: «Она не для тебя. Вы живете слишком разными жизнями.»

Но все мои сомнения рассеивались в секунду, когда девушка заливалась смехом в ответ на мои неуклюжие шутки, выставляя на обозрение чуть более длинные, чем нужно, клычки, которые я находил ужасно милыми. Опрокинув очередные грамм тридцать виски, Вика вдруг потянулась руками к моей голове, вцепилась острыми ноготками мне в волосы и прижалась к ним носом, шумно вдыхая. Помню, она тихонько застонала, пробормотав что-то про то, как я вкусно пахну. В ушах зашумело, я чувствовал, как горят мои щеки, как набатом бухает сердце, как мозг лихорадочно перебирает варианты дальнейшего развития событий. «Сейчас она меня поцелует» – подумал я тогда и вскочил на ноги, чуть не разбив ей нос.

– Слушай, а пойдем покурим? – предложил я, с трудом вспоминая слова. Больше всего на свете я тогда жаждал ее поцелуя, но когда вожаемое было так близко, я почему-то спасовал. Вика недоуменно согласилась и проследовала за мной, пока я шел к двери на техэтаж и проклинал себя за трусость. Осторожно, чтобы не порвать, я отклеил бумажку, опечатававшую дверь. На стене, где она цеплялась, накопилась уже хорошая такая блямба от клеящего карандаша – так я уничтожил улики. Что-то звякнуло об дверь – обернувшись, я увидел, что бутылку Вика взяла с собой.

Мы отошли подальше от входа в квартиру, вглубь темного лабиринта колонн. Я достал из-под замурованного окна пачку «Вест Лайт». Мы закурили. Я по привычке держал сигарету заблаговременно спрятанными там же карандашами – на манер китайских палочек, – чтобы отец не унюхал запах курева от рукавов и пальцев. Вика же наслаждалась табаком в полной мере, пуская то колечки, то дымный водопад из носа в рот. Невольно залюбовавшись необычным зрелищем, я отвлекся лишь, когда из-за двери, ведущей обратно в квартиру раздалось яростное: – Валера!

Появление отца застало меня врасплох. Я ведь все точно рассчитал – я должен был услышать, как хлопнет входная дверь в предбанник. Видимо, виски ударило мне в голову, или меня отвлекла Вика, но появление отца я проворонил, и теперь он был где-то здесь, на техническом этаже. Сигарету я тут же бросил под ноги и затушил краем тапка, девушка же пьяно захихикала, вновь продемонстрировав свои великолепные клычки.

– Тихо! – шепнул тогда я, уводя ее в нишу за машинным отделением лифта. Это было странное, непонятно для чего предназначенное углубление с невероятно узким проходом, расширяющееся внутри, словно какая-то архитектурная верша. Мы оказались в полной темноте, прижатые друг к другу, будто шпроты, и я болезненно прислушивался к эху тяжелых шагов, разносившемуся по темным лабиринтам чердака. На столь близкое присутствие девушки, которая мне нравилась, организм отреагировал вполне определенным образом, и я со смущением

заметил, что упираюсь своим причинным местом Вике туда, где у ее джинсов была ширинка. Но девушку это, кажется, не смущало. Если бы я мог видеть в темноте, перед глазами наверняка бы предстали чертенята, пляшущие у нее в глазах, и клыкастая озорная улыбка.

– Валера, выходи, мать твою! – орал отец, но я ничего не слышал, потому что сначала на меня пахло запахом алкоголя и блеска для губ, а потом мы поцеловались. Ее влажный язык метался по моему рту, горячее дыхание обдавало мне лицо, а руки расстегивали ремень на джинсах. – Так даже прикольной! – шепнула она мне в тот вечер. Вика пыталась залезть мне в ширинку, пьяно подхихикивая, и мне пришлось зажать ей рот – громадная ладонь накрыла прелестное личико почти полностью. Она силилась сбросить руку и что-то мычала, даже царапалась, но потом угомонилась.

В кармане завибрировало. По техэтажу омерзительной трелью разнесся надоевший до зубовного скрежета рингтон Нокии. – Можешь не прятаться, я тебя слышу, – голос отца раздался где-то за углом, совсем рядом. – Подожди здесь, я потом тебя выведу, – еле слышно шепнул я Вике на ухо. Длинные благоухающие шампунем волосы мотнулись где-то рядом с моим лицом. Кажется, она кивнула.

Когда я вышел из ниши, передо мной предстал разъяренный отец. Наклонив голову и раздувая ноздри, похожий на бешеного быка, он светил на меня светодиодным фонариком и с презрением рассматривал. Будучи выше него на полторы головы, я все же чувствовал себя в тот момент лилипутом под пятой Гулливера.

– Ну что, фуфел, попался?! И хули ты тут делал?

Не помню, что я ответил. Впрочем, мои слова для отца никогда не имели значения. Что бы я тогда ни сказал, удар последовал бы в любом случае. Первый пришелся в живот и выбил из меня весь воздух. Второй был тыльной стороной ладони по лицу и разбил мне в кровь нос. Крепкой, мощной как клешня рукой он схватил меня сзади за шею и сдавил пальцами, причиняя почти невыносимую боль. В таком виде он затащил меня обратно в квартиру – согнувшегося пополам и униженного. Папа разжал пальцы, и я рухнул на пол, хватая ртом воздух, а он стоял надо мной, огромный и беспощадный. – Никогда! Больше! Не! Смей! Туда! Ходить! – каждое свое слово отец сопровождал взвешенным ударом ноги по моим ребрам, – Если тебя засекут коммунальщики... Ты вылетишь из этого дома! Занесу, кому надо, и тебя выпишут сразу на улицу. Сможешь ночевать хоть на чердаках, хоть на теплотрассах! Ты меня услышал? – я кивнул, не в силах издать ни звука, – И пока ты живешь в моем доме – никаких! Ебанных! Сигарет!

Последние три удара оказались сильнее предыдущих и, похоже, пришлись куда-то в почку, потому что от боли я почти ничего не соображал. Заперев дверь на техэтаж на ключ, отец спустился к себе и отправился на кухню. Я попытался дозвониться до Вики, чтобы объяснить, что выкраду ключи, как только папа уснет, но услышал лишь, что «абонент вне зоны действия сети» – наверное, стены в новостройке оказались весьма толстыми, или у нее сел мобильник. Отец еще долго ворочался внизу, представляясь мне яростным медведем-шатуном в буреломе. Сложно сказать, сколько прошло времени – от боли в ребрах мне казалось, что секунды растягиваются на часы, а минуты – на сутки. Я лежал, свернувшись калачиком, утопая в боли и жалости к себе, не замечая, как проваливаюсь в объятия сна. Не знаю, через сколько я очнулся тогда, но за окном была уже глубокая ночь.

Знал ли он то, что теперь знаю я? Без понятия. Была ли эта ярость следствием его страха перед работниками коммунальных служб, или это была забота обо мне? Может, еще когда он строил эти помещения, его предупредили, что обитателей чердака лучше не беспокоить?

Я весь обратился в слух, пытаюсь уловить хоть какие-то признаки активности, но, похоже, отец и правда лег спать. Я совершил несколько глубоких вдохов, набираясь решимости, и принялся осторожно спускаться. Раскрыв рот – черт знает, почему я тогда думал, что так произвожу меньше шума, – я на цыпочках подбирался к отцовскому портфелю на банкетке. Если

бы он застал меня за этим занятием – в ту ночь я бы, наверное, уехал на скорой. Осторожно, стараясь не звякнуть предательским замочком, я медленно, по миллиметру вытягивал связку, прижимая ключи друг к другу, чтобы те не издали шума. В какую-то секунду я услышал шлепок босых ног об пол спальни – отец встал с кровати. Замерев у портфеля, я молился, чтобы тот не вышел в коридор, не включил свет и не увидел меня, ворующего у него из сумки. Но отец, похоже, просто забыл поставить будильник – я четко слышал, как попискивает в его руке телефон, как он шлепает по ламинату обратно в кровать, и как проседает под ним матрас. Позволив себе дышать, я наконец-то вытянул ключи из отделения и, зажав их в кулаке, бесшумной молнией ринулся вверх. Станным образом, ключи как раз и не потребовались – дверь не была заперта. Тогда я предположил, что отец не справился с замком или сделал лишний поворот не в ту сторону. Сейчас я, конечно, знал истинную причину того, почему дверь, ведущая на техэтаж должна всегда оставаться незапертой. Требование пожарной комиссии. И не только их.

Темнота, теперь уже настоящая, ночная, окончательно заволокла технические помещения – хоть глаз выколи. К счастью, фонарик Нокии был достаточно ярким. Дойдя до ниши, я осветил внутрь, но девушки не увидел.

– Вика! Вика! – шипел я, словно еж, пытаясь одновременно и позвать свою гостью и не разбудить отца. Никто не отвечал. Методично я обошел все помещения техэтажа, но девушки нигде не было. Подергав дверь, ведущую на лестницу, я убедился, что та заперта снаружи. То же самое было и с люком на крышу. Я, недоумеваю, куда могла запропасться Вика, обошел территорию повторно, вздрагивая от щелчков лифтового реле, но безрезультатно. Заглянув по второму разу в нишу, я увидел лишь разбитую бутылку Чиваса и темное пятно от виски на полу.

Вика пропала. Моя девушка исчезла с запертого и замурованного со всех сторон технического этажа. На тот момент я еще не понимал ужаса ситуации. Помню, мне даже пришла в голову мысль: «Вот отец мне задаст за Чивас!»

Разумеется, опрашивали всех. Милиция ходила по району и заглядывала во все трубы и коллекторы, приходила к нам в школу, заказывала детализацию всех ее вызовов. Телефон при помощи триангуляции обнаружить не удалось. Я тогда никому не сказал, что свой последний день Вика провела со мной. В списке звонков мой номер затерялся среди других, так что меня вызвали по повестке, но опрашивали исключительно «для галочки». Отец, который должен был присутствовать при допросе несовершеннолетнего, был ужасно зол. Он орал на меня и на следаков, грозил всем «легалым» сорванными погонами и увольнениями, обещал всех «купить и продать». Никаких следов Вики, конечно же, так и не нашли.

Учиться к одиннадцатому классу я стал гораздо хуже, и отцу пришлось занести конверт, кому нужно, чтобы меня приняли в институт. Происшествие с Викой к тому моменту немного поблекло, забылось. Лишь иногда сердце предательски вздрагивало, когда я видел на улице девушек с крашенными под блондинку волосами. Тогда я бросался за ними следом – многие пугались и даже начинали убегать, но когда я догонял и вглядывался в их лица, то с горечью осознавал, что передо мной не Вика.

На техэтаж я с тех пор больше не ходил, да и папа стал меньше за мной следить, так что мне удавалось покурить на улице. На втором курсе института я завалил сессию и с треском вылетел с коммерческого отделения. Отец рвал и метал: шрам на затылке до сих пор временами ноет на непогоду. В течение нескольких следующих дней он не разговаривал со мной, а потом, вопреки обыкновению, заявился домой нетрезвым, позвал меня вниз, на кухню и швырнул на стол незнакомые мне ключи и бумажку. – Если ты слишком туп, чтобы учиться, то начинай работать. Обеспечивать тебя я больше не буду. Вот ключи, вот адрес – я договорился, комната в общежитии оплачена на три месяца вперед, потом сам. Вопрос с армией я тоже решил – считай это моим последним жестом доброй воли. Видеть тебя в своем доме я больше не хочу.

Пожалуй, в тот момент и была поставлена точка в наших отношениях. Отца я с тех пор не видел до самых похорон. В гробу он лежал маленький, непривычно спокойный и умиротворенный. Родни на кладбище явилось немного – какая-то чудаковатая бабушка с вороньим чучелом на шляпе, которую я видел раза два от силы, дебильного вида двоюродный брат отца в сопровождении сиделки, странные бритоголовые люди в кожаных куртках с крупными перстнями на пальцах. Они же и оплатили похороны, приговаривая, что «такого решаю в последний раз грех не уважить».

Словно в некоей прострации я стоял вместе со всеми и никак не мог взять в толк, что я здесь делаю, пока поп монотонно бубнил заупокойную молитву. Оторвав взгляд от тела чужого мне человека в гробу, я понял, что вижу Вику. Она стояла где-то за широкими спинами «братков» и нервно курила тонкую длинную сигарету. Не помня себя, прорвав ряд бритоголовых мужиков и незнакомых мне престарелых родственников, я дернулся к ней и рухнул на колени прямо в жидкую грязь, цепляясь пальцами за край ее красного пальто. – Чего тебе надо, мудака? – брезгливо отшатнулась от меня совершенно незнакомая мне девушка. Кажется, она пришла с одним из «авторитетов». – Эээ, уважаемый, у тебя какие-то проблемы? – раздался развязный окрик со спины, а за ним последовало полное укора замечание: – Ты чего, Колыма, быкуешь? У парня горе, у него батя хвостом шаркнул, ничего он твоей аллюре не сделает...

Если бы кто-то видел мое лицо в тот момент, он бы сильно удивился. Упираясь руками в осеннюю кашу из опавших листьев и грязи, я беззвучно смеялся – тот факт, что я теперь сирота, дошел до меня только что.

Наследства, конечно, никакого не было. После похорон выяснилось, что отец сам ничем не владел, все его квартиры, машины и гаражи по бумагам принадлежали тем самым «скорбящим» с татуировками «Север» на костяшках. О матери никто из родственников, конечно, ничего не знал.

Сигареты из-под замурованного окна нестерпимо горчили, но я твердо намереваюсь докурить эту пачку сегодня. Сунув руку в карман спецовки, я выуживаю оттуда потертый кожаный кошелек и раскрываю его тайное отделение. Осторожно, чтобы не порвать, я неуклюжими пальцами извлекаю маленький квадратик фотографии на паспорт, с которой на меня смотрит озорными глазами четырнадцатилетняя девчонка, крашенная под блондинку. Все, что мне осталось от Вики после того, как они забрали ее. Скоро стемнеет и нужно будет приступить к делу. Темнота не является обязательным условием, но мне так было легче.

Жениться я успел дважды и оба раза не по любви, а просто потому что панически боялся одиночества. Обе жены сбежали от меня, одна через полтора года, вторая выдержала три. Бедные женщины, похоже, понимали, что мне неинтересны ни их ничтожные мыслишки, ни бледные, синюшные тела, ни обесцвеченные волосы, что они являются лишь топорными копиями потерянного мной идеала. Почти все время дома я проводил за книгами или в интернете, иногда достаивая их кивком или взглядом. Разумеется, они никак не заслуживали такого к себе отношения, но я ничего не мог с собой поделать. Все мои мысли занимала Вика и те, кто забрал ее. Впрочем, обручальное кольцо на пальце я продолжаю носить – так люди охотнее тебе доверяют.

Не знаю, стало ли это осознанным выбором или провидением, но когда я пришел на биржу труда, чтобы впервые в жизни устроиться на работу, мне сразу же предложили должность разнорабочего в ЖКХ. Комната на тот момент была оплачена всего на месяц – долго думать не приходилось. Когда начальник ТСЖ увидел меня в первый раз, он аж подскочил на стуле: – Ну вы, Валерий, и громадень! Вам бы в спорт или в ОМОН с такими габаритами!

В свой первый же рабочий день я все осознал. Понимание пронзило мой мозг, как остро заточенный штырь, как арбалетный болт, как молния. Меня отправили в старую котельную. Там, вокруг давно остывших котлов и печей, стояли громадные катушки с проводами. Их мне надо было выкатить и сложить в кузов стоящей у входа Газели. Штуковины были невероятно

тяжелыми даже для меня. Электричества в этой дыре, как назло, не было – единственным источником света был дверной проем, я несколько раз спотыкался о толстые змеи кабеля, разбросанные по полу.

Медленно, бобина за бобиной, я добирался до задней стенки котельной. Почти не чувствуя пальцев, я уже брал примыкающую к стене катушку, когда краем глаза заметил за ней какое-то быстрое шевеление. Разумеется, сначала я подумал на крысу или кошку, но, отойдя на шаг назад, я чуть было не уронил чертову штуку себе на ноги – благо, руки задубели настолько, что уже почти не разгибались. Прямо передо мной, всего-то в полуметре из стены прорастало гадкое нечто, что тянулось ко мне склизкими серыми пальцами. Покрытая ошметками, будто обваренная кипятком, голова болталась на тонкой шее. Тварь гадко шипела, как батарея, когда из нее спускаешь воздух. Приблизившись к моему лицу, создание словно бы обнюхало меня и отступило в темноту. Призрак растаял на той же стене, из которой появился. На грязных кирпичках остался лишь бледный силуэт, будто сотканный из паутин, в моем же сердце осталось откровение.

Подобной информацией делятся неохотно. Чтобы Савелий – пожилой дворник, повидавший всякого – разговорился, мне пришлось поставить ему две бутылки «Журавлей». «Вопрос лишь в цене, сын!» – вспоминались мне слова отца, когда в обмен на дешевый алкоголь старик поведал мне то, что отказывались обсуждать остальные. В тесной каптерке за грязным, накрытым газетой столом Савелий объяснил мне, кто такие Дежурные. Все их называли по-разному – «Управдомы», «Коммунальщики», «Технические Жильцы». Называть их домовыми язык не поворачивался. Домовой – это что-то теплое, сказочное, «Кузя», «Нафаня».

Дежурные же были тварями совершенно иного рода. Многого Савелий, конечно, не знал, но то, что он мне сообщил стало фундаментом для того, что заняло все мои мысли и стало жизненной целью. Эти создания всегда селятся рядом с людьми. В лифтовых и вентиляционных шахтах, на чердаках и в подвалах, в трубах и мусоропроводах. Назвать их вредителями или паразитами было сложно – вредить они никому не собирались, как раз наоборот – в домах, где появлялись эти твари переставали течь краны, пропадали тараканы и крысы, лифты ломались реже, а в подъездах меньше бушевала молодежь. Каждый из сотрудников коммунальных служб встречал их хотя бы раз.

– «Сотрудники коммунальных служб!» – важно выделял Савелий, потрясая полной рюмкой в воздухе и расплескивая водку на комбинезон, – Только так, понял? А Коммунальщики – это они, не путай!

Как выяснилось позже, о самих Технических Жильцах дворник знал самую малость. Смутно как-то упомянул, что лучше не злить их, и вообще, кому попало по их территории не шлаться. Моя бедная Вика, если бы я знал...

Вся моя дальнейшая жизнь превратилась в охоту за информацией об этих странных существах. Благодаря моей настойчивости я находил все больше и больше данных по Техническим Жильцам, выдёргивая из моря фейков и выдуманных историй доказательства своей правоты. С испугленным вниманием я пялился в экран на зернистые видео с паукообразной тварью, ползущей по внешней стене девятиэтажки и на фотографии розового эмбриона, застрявшего в водосточной трубе, силясь отличить ложное от истинного. Я перелопачивал тонны книг, архивов, газет и форумов, но вылавливать мне удавалось лишь крохи, а по бокам страниц с рекламных баннеров на меня укоризненно смотрела Вика.

Временами, конечно, эта одержимость отпускала меня, и я снова возвращался в реальный мир нормальных, объяснимых вещей. Но каждый раз что-то происходило, что-то напоминало мне о моей миссии вновь. Когда я освобождал одного парня из застрявшего лифта, он испуганно поведал мне, что с внешней стороны кто-то стучал. Принюхавшись, я тогда заметил, что молодой человек был нетрезв, и мгновенно увидел параллель. Придя в тот день домой, я тут же бросился к компьютеру, даже не разувшись, и не сняв грязный комбинезон. Тогда для

меня имела значение лишь простая связь, которая раньше ускользала от меня. Действительно, подавляющее большинство пропаж и происшествий в технических помещениях происходило с людьми так или иначе нетрезвыми. Скролля и кликая по страницам, я ужасался тому, какое количество бездомных, беспризорников и просто неблагополучных подростков пропадало в таких местах, выпивая, принимая наркотики или нюхая клей. Дежурные не любят, когда непрошенные гости ведут себя неподобающе.

Еще одна ситуация оказалась удивительной даже для меня. Чтобы опросить свидетеля – Романа Сажина – мне пришлось прикинуться участковым психиатром – благо, мой детский психиатр Фира Григорьевна поддержала мою аферу и отрекомендовала меня по телефону. Разумеется, для этого мне сначала пришлось помочь ее сыну перевезти старую мебель на свалку.

В квартире, в которую я пришел якобы «проведать» пациента было темно и тихо. Когда я попытался включить свет, из комнаты ко мне ринулся заросший полураздетый мужчина с лихорадочно горящими глазами и, поймав меня за руку, горячо зашептал: – Не надо. Она не любит, когда светло. – Кто – «она»? – недоуменно спросил тогда я. Роман не только рассказал, но еще и показал. Открыв темный облупившийся лючок над унитазом, он прислонился ухом к трубам и предложил мне последовать его примеру. После чего нажал на кнопку слива. – Слышите? Слышите, как она поет? Поначалу в трубах шумела лишь вода, но когда основной поток затих, я и вправду расслышал пение. Это было похоже одновременно и на рев кита, и на печальную скрипку. Песня была без слов, но душила сердце тоской и грустью. По моим щекам тогда сами собой покатались слезы, перед глазами стояла семнадцатилетняя, вечно прекрасная, вечно смеющаяся, обнажив свои клычки, Вика. – Вы тоже слышите ее. Правда, она прекрасна? – Кто это? – Моя любовь, что заперта в трубах. Она следит за тем, чтобы текла вода.

Роман Сажин раньше работал сантехником в управляющей компании соседнего района, но по словам коллег в определенный момент слетел с катушек – его выловили, когда тот пытался утопиться в давно заброшенном коллекторе. Говорят, когда его вытаскивали, он сопротивлялся, выл и просил «отпустить его к его возлюбленной». Но как можно было считать сумасшедшим человека, который здесь и сейчас доказывал мне существование тех самых сущностей, что обитали с людьми бок о бок? – Она не похожа на человека. У нее длинные руки, костистые плавники и распухшее грустное лицо... Мы любим друг друга. Жаль только, я не могу жить в трубах с ней, – говорил бывший сантехник, поглаживая ржавый металл канализации.

Мы провели с Романом немало вечеров, проводя параллели, выясняя и сравнивая. Сейчас я вспоминаю несчастного безумца с досадой и нежностью – он был единственным, кому я рассказал свою историю. Сажин понял меня, как никто иной – только один влюбленный может понять безумие другого. А его любовь была по-настоящему безумной. В глубине души я даже по-доброму посмеивался над ним – это же надо, влюбиться в Коммунальщицу, живущую в трубах! Поди додумайся до такого!

Работая сантехником, Роман повидал немало странных вещей. Например, представителей бледнокожего народа, живущего под канализационными люками. Омерзительного упыря, что питался отходами, сидя с открытой пастью под трубой мусоропровода. Кто-то из промышленных альпинистов однажды по пьянке поделился с ним, что видел на крыше гигантского черного скелета с острым спинным гребнем. – Ты пойми, дружище, их ведь не просто так никто, кроме нас не видит. Нам положено – чтобы знали, опасались и других по возможности предупредили, – Роман разговаривал всегда слегка на взводе, активно жестикулируя, – Чтобы двери за собой закрывали на замки всегда, где положено, чтобы дыры заваривали, если детишки где проковырялись, печати проверяли. Чтобы мы знали, что будет, если не соблюдать правил, понимаешь?

Я понимал. Понимал я и то, сколько правил нарушили мы с Викой. Вломились, двое глупых детей, на чужую, «нежилую» территорию, курили, выпивали, чуть не...

«И вам придется меня понять...», – думаю я, грустно глядя одну из пяти больших сумок с колесиками, лежащих на полу – точных копий той, что я затащил сюда. Уже осталось недолго. Теперь либо да, либо нет. Нужно только дождаться темноты.

Идея выкупа вовсе не нова. Со времен Орфея и Эвридики эта концепция будоражит умы тех, кто мечтает вернуть своих близких с того света. У меня, правда, немного иная ситуация. Все-таки, Вика технически оставалась жива – ни трупа, ни даже крови я не видел. Интересно, ей все еще семнадцать лет? Выйдет ли она, будто ни в чем ни бывало, из той ниши, все еще слегка хмельная и игривая? Или волосы ее поседели от невообразимых ужасов, а разум сгнил, пока она была заперта в бетоне стен и потолков, словно муха в янтаре? Есть только один способ выяснить.

Об этом методе я задумывался давно, даже находил в интернете свидетельства того, что попытки совершить нечто подобное уже были. Удачные или нет – я так и не выяснил, все-таки прошло почти пятьдесят лет. Несчастный парень из Мосгаза, кого же он лишился? Только коммуналщик... нет, не так, только сотрудник коммунальных служб мог точно знать, куда пропали его близкие. И он, похоже, нашел страшный способ их вернуть. «Купить можно все. Вопрос в цене!»

Неважно, насколько высока плата, если цель является основополагающим аспектом твоего существования, неким изначальным кирпичиком твоей личности. Вынь его – и твоя сущность посыпется, развалится, не в силах жить в нашем мире без призвания. Кто-то сказал, что влюбленность – это безумие, со всей клинической картиной помешательства, с симптоматикой в виде бреда и маниакальной экзальтации.

Что же, если так посмотреть – я маньяк. Иначе как объяснить эти пять сумок, лежащие передо мной на полу? Не так-то просто в один день найти пять семнадцатилетних девушек, крашенных под блондинку. Самой старшей было двадцать шесть, самой младшей – тринадцать. Плевать. Не думаю, что Дежурным важен возраст.

Я пытался по-всякому. И зажимал им рот, так же как Вике, закрывая полностью лицо своей широкой ладонью, пока они не переставали дышать. Спаивал их восемнадцатилетним «Чивасом» почти до потери сознания и безразлично, методично лапал, пытаясь призвать Технических Жильцов. Потом вспомнил, что, когда отец ударил меня, еще здесь, на чердаке, на пол попала кровь. Может, именно она стала катализатором? Двух последующих я разделал прямо в той самой нише, залив кровью все стены. Тени сгущались в углах, я слышал голоса, невнятно и алчно что-то шепчущие мне на ухо, а на стене проступало изображение моей возлюбленной Вики, вечно молодой и прекрасной. Ее очаровательные клычки поблескивали в свете моего нагрудного фонарика, а руки призывно тянулись ко мне.

Тогда я понял, что вопрос в количестве. Это как в ломбарде – продать что-то можно за копейки, а вот чтобы выкупить – придется заплатить в три раза больше. Чтобы не испытывать судьбу, я решил поднять ставку до пяти.

Я раскрываю сумки одну за другой, и вижу, что девушки в ужасе следят за моими движениями, мыча в кляпы. Извините, милые, но она для меня дороже вас всех вместе взятых. В стенах что-то начинает скрестись, тени становятся объемнее, шевелятся, перекатываются, окружают, и я понимаю – пора. Надеюсь этого хватит.

Шепоты сгущаются вокруг меня, словно вороньи перья, они шлепают меня по щекам, набиваются в уши, сливаясь в шуршащую какофонию. Дешевым канцелярским ножом я откупориваю глотки несчастным. Предсмертные хрипы утыкаются в кляпы и вырываются через разрезы, булькая горячей кровью, вздуваясь розовой пеной.

Черное, в темноте технического этажа, зеркало растекается у меня под ногами и появляются отражения. Изломанные, корявые тени собираются по краям горячей лужи и припадают

безгубыми ртами к истекающей из пяти крашенных блондинок жизни. Седые, редкие космы слиплись, пальцы беспокойно шарят по полу. На мгновение я замечаю в этих искаженных, безносых лицах... недовольство?

– Хва-а-атит! – многоголосо шепчет мне тьма, страдальчески заламываются уродливые, костистые конечности, – Хва-а-атит!

Тонкие, похожие на веточки, пальцы цепляются за ручки сумок и тянут их в темноту ниши, оставляя липкий блестящий след на бетоне. Я пытаюсь продышаться, выплюнуть пыльный комок страха застрявший в горле и выкрикиваю, пискляво и неуверенно:

– Вика! Я принес то, что вы хотели! Верните мне ее!

Тьма в нише колеблется, дергается, лужа на полу почти исчезает, и тощие, видимые лишь периферийным зрением уродцы уползают обратно.

– Не причиняем вреда-а-а, следим за порядком... – отвечает мне мрак шуршанием стекловаты и шелестом пенопласта, – Ты мусоришь. Мы забираем. Не на-а-адо...

С гулким стуком ниша выплевывает что-то большое, продолговатое, похожее на куклу. Я не хочу видеть то, что отпрыгнула тьма в ответ на мою просьбу. Слишком легкое, для живого человека. Слишком серое, слишком костлявое. Одежда, покрытая бетонной крошкой и пылью разложилась на лохмотья, мягкая, сухая плоть легко отшелушивается от костей, когда я прикасаюсь к трупам. Накрываю для пробы своей широкой ладонью скалящийся череп и убеждаюсь – да, силы бы мне хватило. Острые, чуть большие, чем нужно, озорные клычки больше не торчат из-под пухлой верхней губы – теперь они выставлены напоказ. Девочка, которой навсегда семнадцать и тридцатилетний мужик, живой лишь технически.

Убить упыря

«Упырь – кровопивец, зложный мертвец, бродящий по ночам, засасывающий людей и скотину, особливо охочий до детей. С голодухи разрывает могилы да глодает кости. Копыта им надобны, чтобы пробивать гробы, а крепкие когти даны им, чтобы рвать мясо. Дурные люди, по смерти, бродят упырями, и чтобы угомонить их, раскапывают могилу и пробивают труп осиновым колом, голову от тела отделяя. Также, упырь – злой, лихой, строптивый человек.» – Большой толковый словарь сербохорватского языка. О.Цвитанович 1934 г.

Мартовский ветер хлопал ставнями, точно хотел сорвать их с петель. Никогда ещё покосившийся деревянный дом на окраине села Дракулич не собирал столько народу. Бабы за стенкой успокаивали Ясну, что раздражалась невпопад усталыми, заунывными рыданиями. Трое же мужчин сидели вокруг потрескавшегося деревянного стола на скамьях. Старуха Зорица хрипло ворчала себе под нос, потряхивая седой головой с крупной шишкой на макушке, но все же разливала гостям вот уже вторую порцию горького травяного чая. Тем, казалось, только это и было нужно – покряхтывая, они морщились, кривились, но пили, будто чай являлся частью какого – то ритуала.

– И не дёргайтесь даже! Земля там грязная, нечисть одну родит, чернобыль да полынь! Нечего вам там делать! – грозно скрежетала Зорица, бросая гневный взор то на одного, то на другого гостя, но встречала лишь взгляды твёрдые, холодные, будто шляпки гвоздей – Не воротитесь, так и знайте!

– Плевать! Я пойду, с вами или один! – заявил Казимир и притопнул сапогом по дощатому полу, отчего культя его неловко качнулась и едва не сбила чашку со стола, – Как я домой вернусь, как в глаза жене смотреть буду? Это мой сын в конце концов!

– Ещё нарожаете! Ясна у тебя баба здоровая, я знаю, сама роды принимала, – отрезала Зорица, вперившись серыми глазами в калеку, – В руки себя возьми, солдат ты или тряпка? А так – сгинешь за милую душу, и ребялёнок не найдёшь!

– Не о чем тут рассуждать! – возмутился в бороду обычно молчаливый Горан, – Погибает душа безгрешная, а старухе за пять лет среди могил всё едино стало – что живые, что мёртвые!

– Ой, не тебе говорить о могилах, бобыль! Уж мы их оба повидали, да только с разных сторон лопаты. Покуда ты по подвалам и катакомбам хоронился, я своих мертвецов сама закапывала. И поверь, я поболее твоего знаю – и какие им сны снятся, и кому они молятся, очи горе возведя. И когда с могилою неладное творится – я нюхом чую.

– Давайте будем конструктивны, я вас умоляю, – прервал зашедшуюся в гневном припадке старуху фельдшер Тадеуш, подняв руки в примиряющем жесте, – Мы пока вообще не знаем, идёт речь о могилах, или мальчик просто заблудился в селе.

Спокойный рассудительный тон недавно прибывшего из Бани-Луки пожилого медика заставил накопившееся было напряжение в воздухе немного растаять. Вытянувшись во весь свой небольшой рост, человек, казалось, занял больше места, чем положено тщедушному его тельцу и дрожащим фальцетом продолжил:

– Я понимаю вашу панику, Йокич, – Казимир по-армейски подтянулся, услышав свою фамилию, – Я бы тоже ничего хорошего в свете последних событий не предположил на вашем месте, но не стоит поддаваться страху и бросаться в безрассудные авантюры. Лично я ни на йоту не верю в предположения уважаемой хозяйки...

Фельдшер тут же удостоился взгляда Зорицы, который, казалось, мог заставить и птицу упасть с небес, и роженицу выкинуть младенца.

– ... Разумеется, я ценю вас как специалиста, Зорица, но то, что вы рассказываете нам – это же самая натуральная мифология. Люди лечатся пенициллином, запускают ракеты в стратосферу, а вы нам рассказываете о какой-то нечисти. Смешно же, право слово! – договорив, Тадеуш опустил обратно на скамью и пригубил горячий напиток, слегка поморщившись – то ли от горечи, то ли обжог губы, – А чай у вас преотличный! Одна сплошная польза!

– Мифология, значит? – закипая, прохрипела Зорица – растрёпанная и седовласая, она походила на разъярённую гарпию, – Хочешь, расскажу тебе реальную историю? В подробностях? Знаешь, что там, за леском, в овраге? Напомнить?

– Зорица, послушайте, я... – приподнялся было Тадеуш, но был посажен длинным костлявым пальцем, болезненно упёршимся в плечо.

– Нет, это ты меня послушай! С февральскими холодами явились, все в чёрном, в бустинах и с автоматами. Повытаскали на улицу всех, кого в домах нашли. Я была там. Видела своими глазами дьявола – тогда он носил имя Филиповича, – голос Зорицы стал монотонным и низким, казалось, речь эту она давно отрепетировала, – Подбрасывали детей в воздух и ловили их на штыки. Насиловали женщин, вскрывая им животы, не вынимая уд. Поливали кровью их же собственных младенцев. «Все грехи на себя беру!» – кричал дьявол, – «Безгрешны останетесь!» Истинно говорю, то был сам Сатана в человеческом обличье.

– Я был на этой войне, старуха, я знаю... – прервал ее было Казимир, на что хозяйка гневно шикнула:

– Ничего ты не знаешь! Пока ты, с винтовкой, в окружении товарищей воевал, мы умирали беззащитными!

Этот сильный выкрик, казалось, стоил Зорице всех её сил. Опустошённая, она продолжила рассказ, будто вещала на сцене театра:

– Дети кричали, плакали, а усташи шли от одного к другому, перерезая глотки, разбивая хрупкие их черепа о деревья. Младенцам они просто откручивали головы и пинали их в сторону убитых горем матерей. Мужчины, защитники, опора и надежда – вы ушли подчиняться приказам. Некому было за нас заступиться. Лишь дети, женщины да старики... Дьявол ставил нас на колени, приказывал принять его веру. Мы целовали его кастрированный крест, а следом...

Зорица расплела шаль на тонкой старческой шее, демонстрируя глубокий рубец со вспухшими краями – след от клинка.

– Безносая не захотела меня прибрать – знала, видать, что хоронить остальных будет некому. Этот дьявол в облачении капеллана даже не скрывал своей сути – он говорил «Нам нужны не ваши тела, но ваши души!» Их он пожрал, переварил, выплюнул и оставил там, вместе с трупами.

– Зорица, при всем уважении, мы знаем, что здесь произошло, это вовсе не меняет... – попытался перебить Тадеуш.

– Меняет, – сухо, будто проколотая шина, прошептала хозяйка, – Палачи осквернили, испоганили это место, пустили дьявола потоптаться на нашей земле. Изо дня в день, три года я ходила на этот самозванный погост и копала-копала-копала... До кровавых мозолей, от рассвета и до заката. И каждое утро видела выкопанные то тут, то там головы и руки – без глаз, без пальцев. Обглоданные, мокрые, ещё в слюне и сукровице.

– Животные же... – предположил было фельдшер, но старуха бросила на него испепеляющий взгляд выцветших глаз, и тот замолчал.

– Не пойдёт зверь в такое место, проклятое и гиблое. Почва от крови красная, небо от дыма чёрное, – нараспев пришептывала Зорица, будто погрузившись в какой-то транс, – Не зверь это – нечисть кладбищенская, из земли повылезла, как грибы ядовитые, из душ неотпетых да неоплаканых. Младенчики некрещеницами стали, выются голодными воронами. Бабы, чьих детей из брюха вырезали, в богинок превратились. Взрывают землю обломанными

ногтями неупокройники, родных своих ищут. Хрустят косточками упыри, неосвященную плоть доедая. И людям там делать нечего – лишь упырям там и место.

Речь ее подействовала на всех по-разному. Фельдшер, откровенно скучая, ожидал, пока старуха выговорится. Горан истово перекрестился и что-то неразборчиво прошептал. Казимир же вскочил, едва не опрокинув скамью, и бросил гневно:

– Плевать я хотел! Пока мы здесь лясы точим, мой Сречко... – он замолчал, боясь произнести то, что само рвалось с губ, – Я выхожу. Вы со мной?

– Мальчику может потребоваться медицинская помощь, – сказал фельдшер, отставляя кружку в сторону, – Вы ведь для этого меня позвали, так? Я готов.

– А ты? – обратился к бородачу Казимир.

– Божий человек не откажет ближнему в помощи, – философски заметил Горан. Имя у него было говорящее – стоило тому встать со скамьи, как посреди завешенной сушёнными травами кухоньки и правда выросла гора.

Когда трое мужчин уже были в сених, в спину им раздался жуткий визг. Клекочущий, хриплый, приглушённый – так кричит человек, когда ему перерезают горло – он промораживал до костей, хватал сердце ледяными пальцами, перемешивал внутренности.

– Не вернётесь! – сипло шипела Зорица, совсем выбившись из сил, – Никто не вернётся! Люди оттуда не возвращаются, попомните мое слово!

Ничего не отвечая, трое покинули избу.

* * *

Дракулич представлял собой гнетущее зрелище. Произошедшее здесь оставило глубокий отпечаток на каждом камне, на каждом пороге. Припорошенная остатками снега дорога казалась девственной, нетронутой – редко кто проезжал через село, считая, что здесь остались лишь заброшенные дома и мародеры.

Так оно отчасти и было – мужчины-сербы, вернувшись с войны в родные дома, были встречены не родней, но хрипящей старухой, что отводила их к оврагу. С обрыва хорошо было видно дно с неровной, будто взрыхлённой гигантским червём землёй, где, наспех закопанные, лежали их дочери, сыновья, жёны, сёстры, отцы и матери. Поначалу смрад бил в ноздри, выворачивал желудки, и солдаты, опираясь на деревья, долго и мучительно сквозь слёзы блевали. Ругались матерно, рыдали, бились оземь. Кто-то даже в сердцах стукнул Зорицу прикладом, отчего у той на темечке вздулась шишка, да так и осталась – стариковский организм счёл, что и так сойдёт. Другие партизаны предлагали той оставить вымершее село, ехать в город, даже по доброте душевной звали к себе. Но Зорица твёрдо отказывалась покидать свой пост, отвечала:

– Если я уйду, умрет Дракулич. Если останусь – люди сами придут.

Так из года в год старуха водила возвращавшихся с фронта мужчин к оврагу, чтобы те со слезами, рвотой и криками исторгали из себя войну и оставляли её утекать и в без того проклятую землю. А люди, очищенные и прозревшие, могли идти дальше. Некоторые перед этим помогали ей хоронить мертвецов. Кто-то оставался у безумной старухи на хозяйстве, кто-то так и не смог бросить родной дом, кому-то просто некуда было идти. Так, исполнив странное пророчество Зорицы, Дракулич начал новую жизнь.

Но за наброшенным брезентом и залатанными заборами скрывались от невнимательных глаз останки задушенной войны. Тут – береза с бурым въевшимся пятном – палачи об нее младенцам головы разбивали. Там – пепелище с трубой торчащей – отказались старики наружу выходить, им красного петуха и пустили. Гаже всего был небольшой пустырь, где из-под снега торчали былинки увядшего ковыля. Ничто не выдавало в этой невинной поляне худого места, но, проходя мимо, местные, что заново заселили Дракулич, крестились и ускоряли шаг.

Именно здесь усташи измывались и насильничали девок, перед тем как вспороть им брюхо калёными лезвиями.

* * *

Даже Тадеуш поморщился, взглянув на пустырь в просвет между чёрными, с подгнившими брёвнами, избами.

– Страшная война, конечно, – произнёс он и стушевался тут же, поняв, что сказал банальность, – А вы, Горан...

– Я из четников, – бросил тот, – Ещё не знал, что у Михайловича свои планы насчёт Югославии.

– О! – поразился честности бородача фельдшер, – Мне кажется, Казимиру лучше не...

– Вот и не болтайте лишнего, доктор.

На крыльце появилась однорукая фигура, прижимающая к груди какой-то груз.

– Фонари все захватили? – спросил Казимир, дико зыря по сторонам. Фельдшер и бородач подняли по старой масляной лампе на железном кольце.

– У Зорицы нашлись, – пояснил Горан. За спиной у него торчали две рогаины, закреплённые на поясе.

– Хорошо. С оружием негусто, – продемонстрировал ношу однорукий партизан, – Всего один огнестрел, на два заряда. И топор, добротный, вчера точил. Это тебе.

Горан принял инструмент с уважением, взвесил в руке, сделал легкий взмах, удовлетворённо кивнул, после чего завистливо присвистнул, взглянув на обрез в руке Казимира.

– Трофейный?

– «Зауэр». С фрица снял. Ствол был уже спилен. Для охоты, конечно, вещь никудышная, но для дела... А вам, Тадеуш, придётся нести фонарь – мне его, к сожалению, деть некуда.

– К погосту? – просто спросил немногословный бородач, кивнув заросшим подбородком куда-то за узкую полоску леса.

– Село бабы уже обыскали, – посетовал Казимир, – Если бы эти глупые кликуши не слушали старуху, глядишь, нашли бы Сречко ещё до заката. Теперь придётся ковылять в темноте.

– Свет всегда с божьим человеком, – заметил Горан.

Троица двинулась в сторону оврага. Шли по первой молча, будто таинство какое совершали. Унылый вид собственного села приколачивал языки к глотке не хуже палачей-хорватов.

Дракулич оставался наполовину мертв – пустые избы палились чёрными провалами окон, село молчаливо провожало троих мужчин, будто на казнь. Не лаяли окрестные собаки – не успели прижиться, не ворчали кумушки на подпитых муженьков. Лишь тоскливый скулёж раздавался откуда-то с пустыря.

– До-о-оченьки! Где же вы? Милица, Агнешка, папа вернулся!

Казимир болезненно поморщился – от завываний Мишко ему всегда становилось не по себе. Дракулич был для него местом чужим – он осел здесь уже после войны, когда обнаружил, что возвращаться некуда. Мишко же здесь родился, женился и успел обзавестись двумя дочерьми. Когда он, героический партизан, одним из первых вернулся домой, рассудок его пошатнулся. Зайдя в свою опустевшую хибару, увидев растерзанные тела жены и дочерей на погосте, он упал наземь, забился, заскулил, да так и сделался дурачком. Ходит теперь по селу, разгребает руками землю на пустыре, да кличет без умолку своих «доченок».

– Тяжелая судьба, – осмелился нарушить молчание фельдшер, когда кислые подвывания Мишко за спиной почти стихли, – Вернуться победителем, а сражался за что...

– Мы сражались за веру и Родину, доктор, – перебил его Горан.

Стушевавшись, фельдшер обратился к Казимиру.

– А раньше здесь пропадали дети?

– Две девчухи в прошлом году, весной. Ещё двое в позапрошлом, тоже в марте. Я сюда с Ясной в сорок седьмом перебрался, а в пузе у неё уже Сречко ворочался. К оврагу я ему накрепко запрещал ходить, но...

– И не искали?

– Нет. Повелись на рассказы старой ведьмы – что, мол, нет людям ходу на погост.

– А почему туда? – недоуменно спросил Тадеуш, – Что там ребёнку, в сущности, делать?

– Дети сами по себе не пропадают, – ответил калека, – В овраге до сих пор кто-то землю роет, трупы выкапывает. Зорица одна не боится туда ходить. По весне всех детей там и находила.

– Может, их туда затащили, – резонно заметил фельдшер, – Одичавшие собаки?

– Не псы это, другое. Я год тому назад ночью проснулся от жуткого визга. Мой хряк метался по хлеву, с ума сходил, насилиу угомонил. Весь искусан, где-то мясо клочьями вырвано. Так и пришлось его заколоть. А под хлевом я лаз обнаружил, широкий, как для человека. За ночь кто-то прорыл.

– Ну вы уж... – усмехнулся старичок, – Это, знаете, мистификация.

– Слово какое вы мудрёное сказали, доктор. А то, что Ясна, мяса того отведав, опосля дитя из утробы выкинула – тоже эта ваша... ми-фи-кация? – по слогам проговорил Казимир.

– А когда жена моя, покойница, Богу душу отдала, – вмешался Горан, – Я на могилку помолиться пришёл, а тело её выкопано и лицо всё обглодано, жадно так, и кишки кругом. Дьявольское там живёт. Не живёт, а существует даже.

– Тише! – скомандовал вдруг Казимир – троица приблизилась к заросшей кустарником кромке небольшого леска, предворявшего спуск в овраг. Несмотря на холод, пот сбегал по его спине. Он и сам не знал, чего боялся больше – не найти сына вовсе, или всё же найти, но слишком поздно, – Близко мы, я чувю.

– И вы, Йокич, всерьёз полагаете, что на погосте обитает нечистая сила? – приглушённым фальцетом спросил Тадеуш. Ему явно было не по себе, и при помощи разговора – понятного и хорошо знакомого ему процесса – он пытался сохранить самообладание.

– Пушай так. Я просто хочу найти Сречко, – слукавил Казимир, продираясь сквозь торчащий из подтаявшего снега кустарник. На деле же, поджилки его дрожали при одной мысли о столкновении с чем-то нечеловеческим, и потому, чтобы успокоить себя, он заговорил о мирском, – Я и не такого насмотрелся. Резня в Дракуличе – лишь часть того, что творилось здесь. Вам, Тадеуш, не пришлось побывать в Ясеноваце?

– Не довелось, – сглотнул фельдшер, – Слышал в общих чертах.

– Счастливый человек. А я был. Неужто после всего меня испугают легенды? – скорее уговаривал себя калека, чем отвечал на вопрос.

– Легенды, – усмехнулся Тадеуш, – На такой грязной земле им самое место.

– Легенды не копошатся ночью под окнами, доктор. Не выкапывают мертвецов из земли, обгладывая кости. Не таскают детей среди бела дня, – ответил Казимир. В его воображении банда упырей и вурдалаков, почему-то в военной форме, водила хоровод вокруг мёртвого тела Сречко, дробно стуча копытами. Помотав головой, он покрепче сжал обрез.

Среди голых веток топорщились из-под снега чёрные влажные пни – редколесье снабжало дровами всю округу, но вскоре кустарник загустел до того, что пришлось продираться полубоком, прикрывая глаза. Тропа резко ухнула вниз, и Казимир едва не покатился по склону, вовремя уцепившись культёй за торчащие пни. Единственную руку занимал трофейный «Зауэр».

– Осторожней, – Горан придержал его за плечо, будто заигравшегося ребёнка, – Нешто на небеса торопишься?

Само место казалось грязной воронкой, всосавшей в себя все звуки – не было слышно ни шелеста ветвей, ни вороньего грая. Троица тоже примолкла, словно почуяв – земля эта давно принадлежит мертвецам.

Широкая просека посреди оврага была густо взрыхлена. Местами торчали дощечки – самодельные надгробия, поставленные теми, кто вернулся в родное село, но не застал родных живыми. Кустарник пробрался и сюда, сплетя непролазный полог, будто желая, чтобы души умерших запутались в голых ветвях, неспособные уйти на небо.

– Смотрите! – шепнул вдруг Горан и, поставив фонарь на землю, склонился к жирной почве, – Следы!

Выдавленные в земле крупные отпечатки копыт очерчивали по кругу глубокую, в кулак шириной яму, из которой тянуло гнилью. Сами же они были размером с доброе блюдце – ни у какого лося или оленя таких копыт быть не могло.

– Права была Зорица. Не зверь это – тварь нечистая. Вон и копыта, прошептал Казимир.

– Я бы не спешил с выводами, – ответил Тадеуш, пожевав губами.

– Они идут вдоль погоста, – указал Горан вперёд, в глубину переплетающихся ветвей.

– А это... – робко поинтересовался фельдшер.

– Да. Без малого две тысячи мертвецов, – даже излишне спокойно ответил калека, – Зорица уже немолода, закапывала неглубоко, так что постарайтесь не провалиться, доктор, в могилу – ноги поломаете.

Фельдшер нервно сглотнул и предпочёл отмолчаться.

Стоило пройти метров пятьдесят по влажной, проседающей под ногами земле, как Казимир остановился, приказав жестом всем затихнуть. Горан покрепче перехватил топор, Тадеуш застыл на месте.

– Слышите? – одними губами произнёс Йокич. Вопрос был риторическим. Чавканье в глубине изломанного будто чьей-то неповоротливой тушей кустарника было оглушительным. Влажные хрустящие звуки наполняли морозный воздух, эхом множась в испуганных сердцах. Там, в чащобе, что-то нечеловеческое, богохульное суенилось, ворочалось, взрывало острыми когтями землю в поисках подгнивших останков, а, найдя их, вылизывало шершавым языком растекшиеся глазные яблоки, снимало острыми клыками полужидкую плоть, ломало крепкими зубами кости и высасывало костный мозг. От такой фантазии у бывшего партизана что-то будто лопнуло в желудке, разлилось едкой желчью, просясь наружу. Дрожь в ногах он заметил не сразу.

«Быть может, – промелькнула в голове Казимира мысль, – прямо сейчас бледные пальцы выцарапывают внутренности у моего сына...»

Вспыхнувшая в секунду ярость затмила собой страх перед нечистыми тварями. Лишь натренированная партизанскими налётами выдержка позволила калекке не ринуться сквозь кустарник навстречу тому, что сейчас трапезничало мертвой плотью.

Фельдшер замер неподвижной гипсовой статуей – бледный, в неестественной позе, держа в дрожащей руке фонарь. Мир, который он знал и изучил за свою долгую жизнь трескался и крошился, открывая просторы бесконечной густой тьмы за пределами человеческого восприятия.

Понимающе кивнув, Горан отдал одну рогатину фельдшеру – тот вцепился в неё, будто утопающий за соломинку и вновь застыл. Казимир же накинул на лампу кусок ветоши. Теперь свет пробивался лишь через тонкую щель в ткани бледным неровным лучом. Аккуратно раздвинув ветви, Горан поднёс палец к губам и направил фонарь на источник звука.

Что-то большое, белое, цвета мертвой плоти ворочалось над разрытой могилой. Медленно переступая тяжёлыми конечностями, оно с наслаждением трапезничало. Хруст и чавканье густой патокой заполняли сознание мужчин, распугивая по углам черепной коробки все прочие мысли. Луч медленно пополз от белых широких бедёр дальше, к объёмному животу.

Вдруг хрустнула ветка под ногой фельдшера. Тут же по массивному боку пробежала дрожь. Тварь засуетилась, зафыркала, и Казимир понял – сейчас или никогда. Направив ствол куда-то, где под широкой бочкообразной грудью, увешанной многочисленными сосками, должно было биться гнилое сердце, он нажал на оба спусковых крючка.

Грохот выстрела гулким эхом заметался по оврагу, обрез сильно рвануло вверх, рукоять ударила Казимира в лоб – культя не помогла смягчить отдачу. Одновременно с этим ночную тишину пронзил резкий нечеловеческий визг. Заныли зубы у Горана, зажал уши Тадеуш, выронив рогатину, Казимир как будто вновь почувствовал скрежет пилы по лучевой кости. Навстречу ошарашенным мужчинам на четвереньках выбежало что-то громадное, белое, жирное.

Оно неслось сломя голову, сопровождаемое хрустом кустарника и тяжёлым топотом. Тугие толстые бока разметали троицу по оврагу: пожилого фельдшера засыпало землей, Горана приложило о могильную доску, Казимира же швырнуло вверх, да так, что он приземлился ровно на место нечестивой трапезы.

Нечто металось в кустарнике, бешено топоча, подминая с хрустом ветки и подбрасывая в воздух комья земли. Чудом не наступив на развалившегося прямо на пути фельдшера, оно, носясь кругами и визжа, убегало куда-то вглубь оврага.

Угодив единственной рукой прямо в провалившуюся грудную клетку чьего-то маленького тельца, Казимир нездорово захихикал, и сам же испугался своего безумия, но остановиться не мог.

– Вы тоже в-видели? – заикаясь, спросил Тадеуш, приподнимаясь с земли.

В овраге стало еще темнее – Горан упустил лампу, и та разбилась. Лишь чудом фонарь фельдшера не пострадал, закатившись в какую-то яму. Казимир же смешно подергивал ногой, безуспешно пытаясь подняться – бедро не слушалось, должно быть, вывих.

– Не знаю. На бабу вроде похоже. Большую белую бабу, – ответил Горан, проверяя пальцами голову – не идёт ли кровь.

– Это не мой сын, – шептал Казимир, елозя руками по чьей-то усохшей фигурке. Грязный истлевший сарафан не оставлял сомнений – перед ним труп девчушки лет десяти. Проломленный череп в остатках плоти был склизким от слюней. На похожем на печёное яблочко лице отпечатались крупные зубы. В животе же прорыли дыру, чтобы добраться до месива из сгнивших внутренностей.

Казимира затошнило, он поспешил отползти от трупа, стараясь не опираться на пострадавшую ногу. Оказавшись в паре метров от жертвы палачей, он, будто окончательно осознав увиденное, повторил, – Это не мой сын. Он может быть еще жив.

– В надежде сила духовная. Хотя здесь нет места надежде, – бросил Горан, помогая калеке встать. Тот, охнув, едва не опрокинулся вновь наземь, но бородач придержал его. Вынув из-за пояса вторую рогатину, он помог Казимиру опереться на импровизированный костыль.

– Почему? Ч-что это было? – спросил фельдшер, зубы его отстукивали неровное стакато.

– Вы, доктор, человека изучали, что у него там внутри да снаружи, как врачевать, выхаживать, – пояснял бородач, – А душу человеческую изучить забыли. Душа это – больная да увечная. Тело коростой покрылось, нрав звериный сделался. Бродит теперь, мстит, чужие души калечит, гнильём питается.

– О чём ты? – нахмурился Казимир.

– Зорица хоть не в себе, а права была. Не может душа человеческая спокойно на небеса уходить после такого. Что это за баба – мне невдомёк. Может, у неё наживо дитя из пуза вырезали, может, насильничали её насмерть. Однако, не человек это больше.

– Плевать. Я должен найти Сречко! – упрямо в который раз повторил бывший партизан, – Хоть живого, хоть мертвого, хоть здорового, хоть калечного.

– Мне кажется, н-нам стоит попросить помощи, – Тадеуш так и остался сидеть на земляном холмике, будто стоило встать на ноги – и кошмар продолжится, – Жандармов или хотя бы мужиков из Шарговаца.

– Бог поможет, – серьёзно, тоном не терпящим возражений подытожил Горан. Из-под рубахи его лопатообразная ладонь вытянула громадный серебряный крест на толстом шнурке, – На него уповаем, его волей живём, его дланью победим.

– Так вы... – удивлённо протянул фельдшер, так и не договорив.

– Да. Бывший православный священник, – подтвердил бородач, по лицу его пробежала тень – на попов усташи охотились особенно яростно, такое признание могло стоить жизни. Протянув руку Тадеушу, он дёрнул того вверх, да так, что щуплый фельдшер аж подлетел в воздух, – Поднимайтесь, доктор. Отриньте страх. С нами Бог!

Услышав эту фразу, Казимир как-то странно дернул культей и шеей.

– Ещё патроны есть? – поинтересовался фельдшер, поднимая с земли горячий и тяжёлый обрез.

– Это был последний заряд, – мрачно ответил калека.

– Он пошёл впрок, – задумчиво проговорил Горан, опускаясь на корточки. Поелозив пальцами по земле, он поднял руку, блестящую чем-то чёрным в скупом свете фонаря, – Тварь ранена.

– Значит, кровь в ней все-таки течет, – с упрямой злобой проговорил калека, поднимая едва не погасший фонарь, – Нужно добить её.

– Туда, – указал бородач в глубину оврага. Разрытая колея блестела от пролитой чудовищем крови, пробуждая отголоски ярости в сердцах Казимира и Горана, что после войны были похоронены недостаточно глубоко, и сейчас восстали, будто та раздутая упырица.

– А что мы будем делать, когда найдем её? – Тадеуш явно не разделял мрачной уверенности товарищей.

– Убьём, – отрезал калека.

* * *

Из-за травмы Казимира пришлось замедлить ход. Протоптанная кладбищенской бабой тропа была рыхлой, ноги то и дело проваливались, а под сапогами хрустели кости и чавкала гниль. Высохшее торфяное болото на месте оврага так и не упокоилось, подстерегая путников своими узкими пастями-колодцами. Неосторожный шаг высвобождал облако смрада из-под земли, от чего даже невозмутимый Горан едва сдерживал тошноту. Тварь же, судя по следам, неистово носилась беспорядочными зигзагами, вода путников вот уже не первый час по кругу, будто леший.

Наконец, след вывел к горбатой возвышенности, оказавшейся на поверку почти ушедшим в мягкую почву охотничьим домиком или сараем. Покосившийся дверной проём наполнил опустевшую глазницу, черные от мха и плесени брёвна лишь каким-то чудом удерживались вместе. Даже на расстоянии нескольких шагов троица ощутила сильную мускусную вонь, миазмы разлагающегося дерьма и услышали грузное беспокойное шевеление внутри. Подойдя совсем близко, мужчины вдруг будто наткнулись на невидимую стену. Идти внутрь никому не хотелось.

Казимир теперь не понимал, как раньше бросался в самоубийственные атаки, стрелял в людей, ползал под пулями без тени страха, а теперь не мог и сдвинуться с места. Перед глазами вновь плясали черти, окружая Сречко, а тот, маленький, будто птенчик, тянул ручки к отцу и звал на помощь. Нет, без сына он отсюда не уйдет.

– Дай мне топор, – прохрипел Казимир, опираясь на рогатину, – Я разможжу твари голову!

Спуск по оврагу измотал его, удар в ногу, похоже, был сильнее, чем рассчитывал Йокич. Бедро опухло, натянув ткань штанов почти до треска.

– Если позволите, – вмешался Тадеуш, – Это чистой воды самоубийство. В таком состоянии...

– Там мой сын! – вскричал калека, уже не таясь нечисти, что ворочалась в своей берлоге. Напротив, ему хотелось, чтобы тварь вышла наружу, показалась, чтобы он мог посмотреть в глаза этому богохульному созданию...

– Я пойду, – вызвался Горан, не отдав топора, – Ты не вернёшься живым, а Сречко нужен отец.

– Но...

– Не спорь. Всё же, он мой крестник.

Сжав крест, Горан быстро и неразборчиво прошептал какую-то молитву, после чего поставил фонарь на землю, кивнул Казимиру и двинулся к проёму.

– Покажись божьему человеку! – грохотал он, будто пустая бочка, размахивая топором, – Выходи!

Тварь внутри, похоже, слышала его и нервничала. Тяжёлое басовитое хрюканье, беспокойное копошение – все выдавало страх создания перед бывшим священником, в ком сохранилась ещё вера и духовная сила.

– Ну же, дрянь! Во имя Отца, Сына и Святого Духа призываю тебя – выходи!

Горан уже стоял у самого входа в гнилую землянку, когда странный звук послышался из чёрного зева – будто конь роет землю копытом перед рывком...

Хозяева у Шумки ходили по струнке, в хлев являлись едва не на поклон. Хитрая и прозорливая, она всегда знала, кого можно прихватить за ладонь, а перед кем стоит полебезить за сахарок. Шумка относилась к породе йоркширских белых свиней. С юного возраста она знала, что особенная – даже соседи приходили поглазеть на её крутые бока и блестящий пяточок. Не понимая своим животным мозгом, что такое «полтонны», она запомнила это слово и едва не раздувалась от гордости, заслышав его.

Но когда Шумке стукнуло три года – она не различала календарь, но так сказала хозяйка – кормить её стали гораздо скуднее. Шумка даже от злости хотела отхватить большаку палец-другой в назидание, но тот вскоре и вовсе исчез, оставив на хозяйстве жену. Та много плакала, редко заходила в хлев и больше не разговаривала с Шумкой как раньше, не чесала меж ушами, не приносила гостинцев со стола.

Что Шумка хорошо запомнила так это крики. Сначала были мужские, задорные, злые. Потом кричала хозяйка – жалобно и как-то ритмично. Вскоре её стоны превратились в бульканье и вовсе утихли. А в нос Шумке пахнуло дымом, дышать стало нечем. Обезумев от страха, свинья металась по хлеву, врезаясь массивными боками в деревянные стены. Наконец треснула доска, Шумка ринулась к свежему воздуху и вырвалась на свободу. Огонь ударил в пяточок, несчастная свинья ослепла от боли, заметалась, побежала на людские крики в надежде, что двуногие ей помогут.

Вокруг застрекотало, засвистело, люди навалились на неё, попытавшись схватить, что-то больно укололо в ногу, да так там и осталось. Шумка, никогда раньше не видавшая столько народу, совсем напугавшись, бежала прочь от этих странных мужиков в чёрном, не похожих на её робких хозяев.

Она долго скиталась по лесу, перебиваясь кореньями и грибами, отошала и ослабла. Наверное, так свинья и сгинула бы, если бы не тот солдатик. Он уже почти умирал, когда Шумка нашла его на обочине дороги. Влажные теплые кишки так и манили её к себе. Добравшись до лакомства, Шумка не замечала слабые удары по морде.

Так Шумка пережила войну, следуя за людьми в чёрном и подчищая следы их преступлений. Те свинью не трогали – Шумке было невдомёк, но от мертвечины мясо свиней делалось

ядовитым. Были голодные годы, были и тучные. Шумка заматерела, набралась сил и опыта, научилась даже охотиться на больных и раненых, в которых недостатка не было. Казалось бы – вот оно, свиное счастье! Но войне было суждено закончиться, и никто не подумал о том, чем будет питаться пристрастившаяся к человечине Шумка. К счастью для себя, она научилась заботиться о своем пропитании. Вдобавок, вся земля кругом была изрыта ямами, что огород, и в каждой лежал вкусный подтаявший обед. Чувствительный пяточок легко отыскивал глазные яблоки вместо трюфелей, крепкие зубы без труда разгрызали кости, а сильный желудок быстро перестроился под гнильё. Одна беда – до колючей штуки в ноге она дотянуться зубами никак не могла, решила – и так сойдёт...

* * *

Нечто огромное, белое рванулось из темноты, сбило с ног Горана, придавило своим весом. Топор отлетел в сторону, Казимир тыкал рогатиной в широкий бок, но свинья – израненная, со следами от картечи на морде – не обращала внимания, а лишь тянулась острыми клыками к лицу бородача.

Тот безуспешно пытался выскользнуть из хватки, отталкивая от себя шершавый пяточок, но зверюга бесилась, топталась на месте, и Горан сползал ещё глубже под неё.

Вдруг в свете фонаря что-то тускло блеснуло, зацепило взгляд. Прямо в бедре огромной старой свиньи торчало странное лезвие, будто бы с перчаткой. Рана вокруг давно зажила, перчатка поистрепалась, но клинок выглядел острым.

Из последних сил Горан вцепился в это перчатку, намотал её на пальцы и выдернул нож из свиной ноги. Та взвизгнула во всю мощь своих лёгких, совсем оглушив бородача. Времени раздумывать не было – перехватив как следует этот странный, без рукояти, нож, Горан принялся колоть глотку кровожадной твари.

Поначалу удавалось взрезать лишь кожу, следом показалась жировая прослойка. Перчатка сама насочила на руку, кромсать стало удобнее – казалось, этот нож для того и придуман – резать глотки. Наконец, под слоем жира показалось что-то красное, с очередным ударом кровь брызнула в лицо Горану, залила его целиком теплым склизким фонтаном. Свинья продолжала визжать, грузно оседая прямо на свою неудавшуюся жертву. Дернув копытами из стороны в сторону, Шумка, наконец, затихла. Тяжелая туша придавливала бородача к земле, выталкивая воздух из лёгких, сжимала до хруста рёбра.

– Снимите её с меня! – прохрипел Горан, беспомощно елозя ногами. Фельдшер дернулся было на помощь, но был остановлен каменной рукой Казимира, ткнувшей его в грудь с такой силой, что Тадеуш аж охнул. Щуплый старичок с непониманием уставился на калеку, но, поймав его взгляд, как-то сжался – такая ярость и злоба пылала в глазах бывшего партизана.

– Казимир, в чём...

– Откуда это у тебя? – задыхаясь от гнева, просипел однорукий.

– Что за... Да вытаци ты меня! – бородач вертелся изо всех сил, но мёртвая свинья в полтонны весом надёжно удерживала его на месте.

– Это! – Казимир указал пальцем на перчатку с лезвием, которая все ещё как влитая сидела на ладони Горана.

Горан поднёс руку к лицу, будто бы вновь увидев спасший ему жизнь предмет. Кожаная перчатка была покрыта дырами в нескольких местах, залита свиной кровью, но ржавый клинок оставался острым и торчал из ребра ладони смертоносным жалом. Холодный пот прокатился по спине пленённого гиганта, когда тот осознал, чем перерезал горло свинье.

– Это не моё! – вскричал он басом, сбившимся на фальцет, – Я только что его нашел! Богом клянусь!

– Чьим богом? – прорычал Казимир. Фельдшер недоуменно переводил взгляд то на бывшего партизана, то на Горана.

– Господа, а в чём, собственно...

– Сербосек, – тяжело, будто топор в колоду, приземлилось слово Казимира, – Клинок усташских палачей. Говорят, таким один из них зарезал за ночь больше тысячи сербов. Я видел их в Ясеноваце, видел в Вуковаре, повсюду. Один из ублюдков повредил мне таким артерию, когда мы освобождали лагерь – руку пришлось отнять. И теперь, спустя пять лет, я вижу его вновь.

– Ты не в себе! Я вынул его из свиньи! Он торчал в её ноге, я клянусь тебе! Посмотри, он ржавый! – тут Горан немного слукавил – проржавела лишь та часть, что была внутри свиньи, – Будь я усташом, таскал бы я такое с собой? Доктор, скажите ему!

– Мне кажется, он все же прав, – попытался вмешаться фельдшер, – В конце концов, будь Горан и правда военным преступником, стал бы он носить с собой изобличающие его улики?

– И правда, – согласился Казимир, – Если только не идёт на опасное дело, где может потребоваться оружие последнего шанса. Как было в Ясеноваце, когда чертов нацист успел раскроить мне руку, прежде чем я выпустил ему кишки. Что если ты так боялся за свою жизнь, что решил рискнуть?

– Казимир, послушай, я ведь священник! Я крестил Сречко, помнишь? – пытался оправдаться бородач.

– Да, помню. Этот крест у тебя на шее... Не отложил ли ты его на чёрный день, а? Не снял ли ты его с убитого твоими же руками попа? Я помню все эти перерезанные глотки, я видел, как ловко ты управляешься с сербосеком! Это ты! Ты убил моего сына! Из-за таких как ты, эта земля теперь пропитана кровью! Не удивлюсь, если это ты резал детей, вспомнив усташские привычки!

– Вы перегибаете, Казимир, – вмешался было Тадеуш, но калека не слушал.

– Вынул из свиньи? Ничего умнее не выдумал? Ржавчина? Да это кровь убитых тобой, душегубом! Нога бы загноилась, свинья не прожила бы так долго. А вот! Пусть фельдшер нас рассудит. Ну? – Казимир угрожающе шагнул к Тадеушу – так близко, что тот мог разглядеть слезы в налитых кровью глазах, трясущиеся, искусанные губы и гневно раздувающиеся ноздри.

– Теоретически... – начал издали фельдшер, но мощная рука тряхнула тщедушное тело, и тот заверещал, – Загнила бы, скорее всего... Открытая рана, грязь, само собой загнила бы, но это не доказывает...

– Я слышал всё, что нужно, – отрезал Казимир, надвигаясь на Горана. Тот принялся выворачиваться изо всех сил, но труп свиньи держал крепко, ноги скользили по окровавленной земле.

– Казимир, умоляю! Христом-Богом заклинаю! – бас бородача сбился на хриплый вой, – Ты не простишь себе, Господь не простит! Это ошибка!

Топор отлетел совсем недалеко. Казимир отряхнул налипшую землю с рукояти, перехватил поудобнее – одной рукой орудовать сложнее – и захромал к Горану.

Тот подобрался, пытался отползти в сторону, но опирающийся на топор калека неумолимо приближался, сопя как разъярённый бык.

– Я – не один из них! Ты ошибаешься! – надрывно орал бородач.

Казимир уже замахнулся топором, когда ногу пронзила нестерпимая боль, а потом снова и снова – Горан вонзал сербосек в щиколотку калеки, заставив того упасть на колено. Уцепившись лезвием за ступню, бородач вытягивал себя из-под тела свиньи, распарывая плоть и ткань. Скользящая кровь заливала руки, но Горан продолжал изо всех сил хвататься за свой шанс.

* * *

Едва Казимир, оправившись от шока, замахнулся топором, как фельдшер вцепился сзади в его руку и повис на ней, будто собачонка.

– Прошу вас, Йокич, не губите душу! Мы вызовем жандармов, его отдадут под суд, всё выяснят, не становитесь убий... .

Казимир резко дернул топорищем назад, будто отмахиваясь от мухи, и сухие руки Тадеуша ослабили хватку. С глухим стуком врач упал куда-то за спину и затих.

Освободившись от препятствия, однорукий калека с силой саданул лезвием топора прямо в лицо Горану. Плоть разошлась, обнажив череп и хрящи, юшка брызнула в стороны, но бородач оказался крепче, чем ожидалось – он орал, захлебываясь кровью, пуская пузыри из разрубленного пополам носа, и продолжал кромсать голень Казимира. А бывший партизан наносил удар за ударом, едва не попадая по собственной ноге, превращая голову Горана в бесформенную кашу.

Наконец, когда бородач лишь конвульсивно подергивался, Казимир свалился наземь. Вся левая нога представляла собой беспорядочную смесь тканей, мяса и костей. Затухающим взглядом он смотрел в темноту сарая, а оттуда робко, по очереди выходили белые откормленные подвинки. Сгрудившись вокруг расквашенной головы Горана, они с любопытством обнюхивали круглыми пяточками кровавое месиво. Сначала один неуверенно лизнул ещё горячую плоть, следом к нему присоединились и собратья. А из-за лоснящихся розовых спинок показался Сречко. Грязный и оборванный, но живой. Теперь всё встало на свои места – Сречко, должно быть, заблудился в лесу и вышел к этому сараю. Залез внутрь, чтобы не околеть, а свинья приняла его и грела, как своего поросёнка. И на Горана старая свиноматка напала, защищая детей.

Казимир удовлетворенно улыбнулся. Последним, что он видел перед тем, как провалиться в беспамятство, был раскрывающийся в крике рот сына, похожий на букву «о».

* * *

Мишко любил поглаживать своих спящих «доченок». Да, они уже пахли не так приятно, как раньше, стали неподвижны, иногда и вовсе выглядели как мальчики, но Мишко любил их. Каждый день, укладывая их спать, он благодарил Господа за то, что тот пощадил хотя бы его детей. Поначалу «доченьки» были непослушными, отбивались и кричали, но Мишко долго держал их в крепких объятиях, пока те не становились мягкими и податливыми. Весной «доченьки» всегда портились, начинали течь. Бабушка Зорица ругалась страшно, грозилась сдать Мишко жандармам – внучек она почему-то не любила. Тогда он относил их к оврагу – ночью, чтобы никто не мешал.

Вот и сегодня, заливаясь слезами, он оставил два почти невесомых детских тела там, где давно уже разложилась их мать. Когда Мишко уже собирался уходить, в нос ему ударил знакомый до боли запах крови.

– Дяденька, на помощь! Там мой папа, он умирает! – подбежал Сречко к нему, запыхавшись. Мишко поймал того в объятия и крепко прижал к себе.

– Все хорошо, Агнешка. Вот ты и нашлась. Скоро и Милица найдётся.

Сначала Сречко тоже дёргался, потом обмяк и успокоился. Благодаря Господа за этот подарок судьбы, Мишко бережно понёс доченьку к дому.

Перегон

Медленно в снежном вихре проплывал за окнами зимний лес. Тускло горели лампы ночного освещения в вагонах. Пахло выпитой водкой, вареной курицей, носками и потом. Ворочались на своих полках пассажиры. Кто-то храпел, кто-то – наоборот, не мог уснуть и сквозь зубы призывал проклятия на головы храпунов. Едва-едва слышимая, будто комариная песнь, звенела музыка в чьих-то наушниках. Кто-то ковырялся в телефоне, кто-то пытался читать. Перешептывались кумушки, шлепали с молчаливой суровостью картами по столу вахтовики. Кто-то тайком курил в тамбуре. Пели свою перестукивающую колыбельную колеса. К следующей станции состав должен был добраться лишь к утру, и никто не предполагал, что остановку придется совершить раньше.

Тайга, укрытая пушистым белым одеялом, лениво огибала поезд с двух сторон. Казалось, вот-вот въедешь в лес, но нет – выныривали из бурана новые и новые шпалы. Валерий Степаных, машинист поезда Чита-Благовещенск, прищурившись, вглядывался в мечущуюся за стеклом порошу. Этот участок дороги Степаных не любил. Кругом тайга, Сибирь, ни единой живой души. Случись что – неделями будешь ждать помощи, а уж в такой буран – хорошо если к весне откопают.

Состав шел медленно, лениво, ниже разрешенной, но Степаных, скорее, предпочел бы нагоняй от начальства и недовольных опозданием пассажиров, чем сошедший с рельсов поезд – и это накануне его пенсии! Нет уж! Тише едешь – дальше будешь. По старой привычке он ворчал себе под нос, даже не замечая, что говорит сам с собой:

– Диспетчеры, суки, всех вкруголя послали, а я продирайся. Ну как же, Степаных опытный, Степаных выдюжит. Нет бы на станции постоять, погреться, у них, сволочей, расписание... Встрянем ведь, потом не вытягаешь... Тьфу-тьфу-тьфу...

Мощные фары разгоняли ночную мглу, ветер швырял снежинки в лобовое стекло. Рельсы вырастали будто бы из бесконечного ничто и мгновенно исчезали под носом многотонного локомотива. Валерий Степаных открыл было боковое окошко – выкурить сигаретку – но тут же захлопнул: в кабину непрошеным гостем ворвался ветер-баловник, нанес полную кабину гостинцев – снежных хлопьев. Щелкнул замок на двери за спиной.

– Ну наконец-то! Тебя за смертью посылать!

Лешка – помощник машиниста – долговязый болван, Иркин племянник, втиснулся в кабину с двумя чашками чая в подстаканниках. Состав качнуло, и Лешкины рукава обдало горячим напитком.

– Эх ты, криворучка! Давай сюда!

Валерий Степаных жадно отхлебнул чаю, насладился чувством того, как теплый глоток прокатывается по пищеводу в желудок. Хорошо!

Вдруг болезненной резью напомнил о себе кишечник. «Вот так наелся котлет!» – с досадой подумал Валерий Степаных, памятуя о недавно поставленном диагнозе «язва желудка», – «Лишь бы прободения не случилось!» Обычно старый машинист терпел до остановок, но тут уж больно мощно скрутило. Рывкнул:

– Лешка! Я на дальняк! Буду... минут через пятнадцать.

– А мне что делать? – растерялся тот. В помощники Лешка заделался без году неделя и пока умел разве что кивать да задавать тупые вопросы.

– Ничего! Случится что – ко мне ломись!

И Лешка остался один в кабине. До сих пор ему не хватало усердия запомнить, что делают все эти реле, кнопки и рычаги. Валерий Степаных тоже не горел педагогическим долгом, буркнул: «Сюда – быстрее, сюда – медленнее, тут – экстренное торможение. Рулить не надо. Дальше по ходу разберешься!»

Напряженный, Лешка уставился в черно-белую мглу, в надежде, что ничего, требующего его внимания за время отсутствия Валерия Степаныча не произойдет. И, как назло, он ошибся.

На рельсах вдалеке стояла женщина. Как он ее увидел в такой метели, да еще и ночью – одному Богу известно. Лешка даже протер глаза – вдруг показалось. Но нет, женщина действительно была. И хуже того – она изо всех сил махала над головой каким-то белым полотнищем, точно на первомайской демонстрации.

– Куда ж ты, дура? – прошептал Лешка. Заметался по кабине, еле нашел нужный рычаг, дал длинный истеричный гудок. Тот разнесся по тайге, нарушая тишину, тревожа пассажиров и разных лесных тварей. Лешка и сам едва не оглох, а девка все стояла на путях и не думала никуда уходить. Вот уже можно было разглядеть простое белое платье до колен; волосы, прикрытые косынкой и разъявленный в крике рот.

Что же делать? Лешка сжал кулаки на приборной панели, да так, что костяшки побелели. Бежать к Степанычу? Не успеет. Ехать дальше? А вдруг эта упрямая так и останется на путях? Что же, грех на душу брать? А если остановиться? Это же и на штраф можно влететь, и Степаныч заругает, да и нет у него, у Лешки, таких полномочий.

А женщина, тем временем, приближалась, и в ярком свете слепящих фар казалось, будто не лицо у нее, а блин, белый и плоский, с распахнутым зевом беззубого рта.

Это стремительное приближение лишило Лешку остатков здравомыслия. Плюнув на все, он недолго думая вытянул ручку сразу в шестое положение. Поезд содрогнулся. По тайге пронесся жуткий металлический скрежет, точно какой-то сказочный гигант скрипел над ней железными зубами. Лешку бросило на панель, и он расквасил себе нос, вдобавок опрокинув на себя обе кружки чаю, и зашипел как рессора. А сзади все скрежетало, грохотало и гремело, будто все воинство ада нагоняло состав.

Вывалился из туалета Валерий Степаныч, спешно натягивая брюки.

– Ты чего ж гаденыш... На минуточку оставить...

– Там человек на путях! – зажимая нос, сообщил с пола Лешка.

– Какой человек, дурак? Тут куда ни ткни – одна тайга, до ближайшего населенного пункта двести кэмэ!

– Да вон, сами посмотрите!

И Степаныч посмотрел. Действительно, на путях стояла баба – лет пятидесяти на вид. Толстомясая, руки, как докторские колбасы, морда круглая и улыбается в тридцать два зуба. В руках ее развевалось кипенно-белое полотно. Но страннее всего было то, что из одежды на ней было всего-то платьице, кофта с крупными пуговицами да косынка на голове. Валерий Степаныч на всякий случай глянул на термометр – тот показывал нормальную человеческую температуру: тридцать шесть и шесть, только со знаком минус.

Вздыхнув, старый машинист накинул полушубок и с кряканьем выпрыгнул из вагона, тут же погрузившись в сугроб едва ли не по пояс. Оглянулся на состав – два вагона поднялись над рельсами, образовав собой горб.

«Вот это мы встряли, – обреченно подумал он. – Это ж надо, за полгода до пенсии!»

Обернувшись, с досадой посмотрел на бабу, стоящую на рельсах. В свете фар локомотива она казалась ненастоящей, нарисованной, точно кто-то в шутку установил на путях картонную фигурку, чтоб пугать машинистов. Сплюнув, Валерий Степаныч рванул к ней, а подойдя вплотную, вцепился в плечи и принялся орать благим матом:

– Ты что творишь, дура, мля? Не видишь, мать твою, из-за тебя состав встрял? Чего ты лыбишься? Чего? Куда?

Через лобовое стекло Лешка смотрел, как женщина машет Степанычу своим белым не то платком, не то шарфом, зазывая его куда-то в лес. Степаныч хмурится, матерится так, что уши вянут, а эта – знай себе улыбается и за собой манит. Вот сперва «человек на путях» покинул освещенный пятачок перед локомотивом, а следом во тьму ночного леса шагнул и Степаныч.

Лешка ждал минуту, другую, третью. Потом все же схватил рацию и принялся панически выкрикивать «Прием! Прием!» в микрофон. Наконец, динамик в ответ влажно хрюкнул и больше не отвечал. Ни спустя час, ни спустя два часа Степаныч так и не вернулся.

* * *

Большинство пассажиров высыпали наружу в первый же час – поглазеть, поохать, поснимать на телефон, посудачить, да и просто-напросто покурить на свежем воздухе. Лезли с вопросами к проводникам, а те лишь разводили руками – мол, пока непонятно. Сами подходили к Лешке и строго требовали позвать машиниста или начальника поезда, а тот и не знал куда деваться, только тыкал пальцем в сторону леса. Выкатился из своего купе депутат заксобрания Амурской области и метался по вагону, обещая «всех тут распатронить». Безудержно тьявчал в переноске чей-то карликовый пудель, плакали дети, охали бабки. Весь поезд проснулся.

Внимание от вставших горбом вагонов (одна тетка даже ссыпалась со второго яруса и теперь оглашала округу воплями вперемешку с бранью) отвлекла... бабка. Самая обыкновенная, немного скрюченная, с платком на голове и огромной тележкой. Она катила свою ношу по искрящей в свете окошек снежной глазури, оставляя след от колесиков, и скрипела зазывно, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Пирожки горячие, с ливером, с яйцом, с капустой! Свежие, румяные!

У проводников от такого, конечно, глаза на лоб полезли – они-то знали, что тут куда ни ткнись – кругом тайга. Пассажиры, соскучившиеся по свежей выпечке – некоторые провели в пути уже долгое время – дружно окружили бабку, принялись совать ей купюры. Та брала деньги не глядя, сдачу не давала, все доставала пирожки из своей бездонной котомки и раздавала пассажирам. Даже кто-то из проводников подтянулся в стихийно образовавшуюся очередь. Только какая-то цыганка, высунувшись в тамбур, все верещала:

– Не подходите к ней! Бэнк проклятый! Не подходите, не видите что ли – у ней глаза без мяса!

Конечно, цыганку никто не слушал. Глаза без мяса – выдумает же. Вдобавок, что она там видела из вагона, да еще посреди ночи? Только проводники нервно перешептывались и вращали оффлайн-карты местности на смартфонах: гадали, откуда могла появиться бабка. Рядом с проводниками материлась пигалица в пуховике до колен и тыкала замерзшими пальцами в экран смартфона.

– Сука, не ловит! Что за жопа мира?!

Вдруг откуда ни возьмись перед ней выросла бабка с пирожками, протянула дымящуюся выпечку:

– Откушай, дочка!

– Нет, спасибо! – ответила девчонка, не отрываясь от экрана поднятого к небу смартфона – ни черточки.

– Отведай, милая, от чистого ж сердца предлагаю!

– Спасибо, я на диете!

Бабка недовольно покачала головой, и если бы Маша оторвалась от своего гаджета и опустила глаза на старуху, то увидела бы, как из румяного бока пирожка высунулись два заскорузлых пальца и будто ощупали воздух, после чего нырнули обратно.

– Ну как знаешь! – ответила бабка, убрала пирожок обратно в сумку и зашагала обратно в ночной лес.

Пассажиры медленно разбредались по вагонам, ругая РЖД и нахваливая пирожки; Лешка взахлеб рассказывал проводникам про странную бабу на путях; Маша, убедившись, что большая часть пассажиров разошлась, украдкой достала сигарету. Закурила, прикрывшись от ветра. Маше было пятнадцать лет, и она с родителями ехала к бабушке в Благовещенск. В

Москве у нее остался парень, которому она не писала вот уже почти четыре часа, а с собой – пачка тонких сигарет «Вог», мобильник, уродливый пуховик «зато придатки прикрывает» и лишние, по ее мнению, килограммы веса. Никакая диета Маше, конечно же, не требовалась – в ней и так было едва ли сорок с лишним килограмм. Во всем был виноват ее парень из Москвы – Антон. Тот как-то, не подумав, назвал девушку «жопастой». После громкой ссоры и двухнедельного расставания Маша с Антоном все же сошлись вновь, но вот обиду Маша затаила и твердо решила худеть. В эту ночь Антон собрался с друзьями поиграть по сети в «Батлу». Он как заведенный щелкал мышкой, отхлебывал из бутылки неприятно-теплую «Оболонь», азартно матерился и если бы сейчас узнал, что его нечаянно брошенное слово «жопастая» спасло Маше жизнь – то очень бы удивился.

* * *

Через полчаса после ухода бабки с пирожками произошло несколько событий.

Во-первых, Маша не удержалась и стащила из папиной дорожной сумки пачку печенья, а теперь грызла его, отвернувшись к стенке и слушая Земфиру под одеялом.

Во-вторых, у бабки, что везла своей сестре в Благовещенск из Читы лекарства, в суматохе пропал кошелек. В том же вагоне ехала та самая цыганка, что кричала про глаза без мяса, с мелкой вертлявой дочкой, похожей на обезьянку. Разумеется, все обвинения посыпались на черноволосую ромалэ. Цыганка крысилась, трясла похабно юбками и предлагала себя кому-нибудь обыскать, а соседи по плацкарту смущенно прятали глаза.

В-третьих, те пассажиры, что брали у бабки пирожки, оказавшиеся на поверку все, как один, с ливером, теперь выстроились томящейся неровной очередью к туалетам, заняв все проходы в вагонах. Самые нетерпеливые же, недолго думая, выскакивали наружу и усаживались прямо в сугробы, отмораживая задницы и кляня на чем свет стоит чертову старуху и ее пирожки.

И, в-четвертых, пока Лешка с проводниками махали руками, судили и рядили, что делать с перекошенными вагонами – начальника поезда будить так и не стали: не проспавшись, этот зверь по синей лавочке принялся бы вершить правосудие направо и налево – из лесу вышел Валерий Степаныч. Бушлат, весь изорванный, был нараспашку; на голой груди, поросшей седым волосом, болтался нательный крестик. Полные сапоги снега и совершенно ошалевшие глаза. Проводники с Лешкой во главе бросились к машинисту, принялись его расспрашивать, мол, куда и что, а он знай себе, мычит, глаза пучит и невпопад тыкает пальцем в поезд; агукает в бороду, что младенец.

Привели его, конечно, в теплую кабину, нацедили кипятку из титана, заварили чай, сунули в руки. Мало ли, вдруг в шоке человек... А Степаныч сидит и губами шлепает – есть просит. Накормили его, чем богаты – кто бутерброды принес, кто котлетки домашние; коньяку даже раздобыли. И осторожно так спрашивают – что ж случилось, как будем действовать, и когда, собственно, поедем дальше. А Степаныч, знай себе, мечет угощение и чай прихлебывает.

– Смотрите! – вдруг вскрикнул Лешка. – Что у него с рукой?

Действительно, рука, которой Степаныч держал стакан с чаем – прямо так, без подстаканника – поплыла, будто восковая свеча. Прилипла намертво к посуде. С ладони на пол стекали телесного цвета густые капли.

– Смотрите, он... плавится?!

Степаныч отреагировал на крик, посмотрел на Лешку, и вдруг левый глаз взял и выкатился крупной белесой каплей прямо в чай и начал там растворяться, как кусок масла. Проводники застыли в немом ужасе. Машинист растекался. Отвисла челюсть, прилипла к груди; стекали щеки по густой бороде; круглый живот вдруг провалился внутрь себя, обнажив кроваво-красную нору. Именно в эту секунду так неудачно влез в кабину начальник поезда Дмит-

рий Григорьевич, в пиджаке на босу грудь. На опухшем его лице явственно виднелись следы продолжительных возлияний, на шее багровел засос. Окинув кабину нетрезвым взглядом, он, как ни в чем ни бывало, поинтересовался:

– А что тут у нас, собственно происходит?

Эти слова стали для него последними. Степаныч резко поднялся с места и ловко сунул кулак в приоткрывшийся от удивления рот начальника поезда. Тот замычал, машинист продолжал проталкивать кулак внутрь, а потом резко дернул. В глотке Дмитрия Григорьевича что-то хрустнуло, и он медленно осел на пол. Глаза его продолжали удивленно пялиться на Степаныча, а чуть погодя – застыли навсегда.

Первой завизжала Танечка – молоденькая проводница из седьмого вагона, к ней Лешка давно клинья подбивал. Следом крик подхватили и остальные. Начался хаос. Степаныч, будто возмущенный происходящим балаганом, повернулся к Тане и завыл возмущенно дыркой, оставшейся на месте расплавленного рта. Второй глаз вытек, налип недожаренной яичницей на бушлат, но машиниста это, кажется, совсем не беспокоило – раздражал его явно Танечкин визг – пронзительный, истерический, на одной ноте. С клокочущим ворчанием, идущим откуда-то из груди, он ринулся на проводницу, устремив оплывшие пальцы к тоненькой шее. Лишившись кожного покрова, черные и кривые, они больше всего напоминали голые ветки; даже точно так же разрастались на кончиках.

Все это Лешка успел разглядеть за секунду до того, как облил своего дядьку-машиниста из чайника. Тот страшно завыл, точно таежная вьюга. Вся его кожа мгновенно облезла, открывая глазам какую-то замысловатую корягу вместо черепа. Та, лишенная плоти, провалилась под палки-ребра, где вместо органов – печени, кишечника и измученного язвой желудка Степаныча – лежали какие-то комья. Машинист весь уменьшился, осел. Его глотка, сделанная словно из сухой кишки, продолжала издавать вялое неразборчивое верещание, пока весь он не истаял окончательно. На полу остались штаны, бушлат, сапоги, целая груда веток и прочего лесного мусора. Посередине лежал только странный круглый предмет – не то корень, не то древесный гриб. Отростки его горестно поникли, а сам «корень», казалось, распадался на глазах. Прошло несколько секунд, и он, как и Степаныч, превратился в бурюю вонючую лужу. В ней поблескивал нательный крестик на цепочке. Ни слова не говоря, Лешка поднял крестик, вытер о штаны и нацепил на себя, убрав под свитер. Остальные проводники ошарашенно молчали, наблюдая эту странную и ужасную сцену, только Танечка продолжала издавать тихий-тихий, уже затухающий визг, похожий на звон в ушах. Лишь спустя несколько секунд шока в абсолютной тишине Лешка услышал треск статики от мокрой насквозь старенькой РВС, облитой им из чайника.

* * *

Наде было беспокойно. Впрочем, спокойно Наде не было с тех пор, как Вадим на новость о беременности выпучил глаза, залепетал и принялся совать ей какие-то деньги. Надя даже сходила в клинику и честно отсидела в очереди, а в последний момент сбежала – не выдержала. Подключилась семья Вадика – принялись давить, уговаривать, мол, не порти жизнь – он молодой парень, вы оба еще институт не закончили, куда рожать? Вадик стал какой-то странный, стал ее избегать, появлялся на парах пьяный. Когда Надин живот округлился, и скрывать что-либо уже не было смысла, Наде пришлось звонить домой, в Читу. Мать ревела в трубку белугой, отец гневно рычал медведем. Денег родители прислать отказались. Домой было ехать никак нельзя. Спасла случайность – о ситуации прознал друг детства Володя, в прошлом в Надю глубоко и безответно влюбленный. Едва услышав о ее непростом положении, он тут же рубанул с плеча: «Приезжай. У меня жить будем. Квартира просторная, на всех места хватит!» Так Володя разрубил гордиев узел Надиных проблем, прислал деньги на билеты и отбил корот-

кое сообщение: «Жду». Володя служил в полиции в Благовещенске, и теперь Надя направлялась туда – начинать новую жизнь.

В кошельке у нее оставалось двести рублей, на телефоне и того меньше – на один звонок Володе, который должен был ее встретить на станции. И теперь, из-за задержки поезда он мог надумать себе, что Надя не приедет этим рейсом, что она предпочла ему кого-то другого, как и пять лет назад. И тогда Наде не оставалось бы ничего, кроме как лечь на рельсы и ждать следующего поезда – благо тот бы по закону подлости приехал вовремя.

Когда состав изогнулся страшным креном, Надя как раз гуляла по коридору тамбура – успокаивала разбушевавшегося внутри нее человечка, который вдруг ни с того ни с сего принялся толкаться, ворочаться и пинать ее в мочевого пузыря. Надю бросило на стенку, и она едва успела прикрыть живот руками. На мороз с прочими пассажирами она не пошла – что от нее, залетевшей по глупости девятнадцатилетней девчонки, толку? Осталась в плацкарте – с тяжело доходящим благообразным старичком и молодым сутулым парнем, который все суетился вокруг Нади – помогал ей достать сумки с полки, приносил кипяток и вообще старался быть всячески полезен – она ему явно нравилась. Вот и сейчас выскочил наружу, бросил за спину:

– Я только посмотрю, что там случилось.

Вернулся раскрасневшийся с мороза, возбужденный, тараторил:

– Блин, поезд застрял. По ходу из-за снега. Проводники говорят, машинист пропал. А еще там бабка ходит – пирожки продает, прикинь! Я два взял, угощайся!

– Спасибо, Сереж, меня что-то подташнивает.

От вида выпечки ей и правда стало нехорошо – один лишь вид жирного, блестящего от масла теста заставлял желудок выписывать пируэты. Вдобавок, Наде было неловко перед Сережей – тот постоянно крутился вокруг нее, интересовался наличием мужа или парня; всячески намекал, что ничего не имеет против женщины «с прицепом», мол, «отец – тот, кто воспитал». Сережа нравился Наде – высокий, сероглазый, с тонкими руками, но ей не хотелось давать бедняге ложных надежд.

Сережа слопал первый пирожок сразу, второй – спустя десять минут бесплодных уговоров. А через полчаса Сереже стало плохо. Он то и дело зажимал живот ладонью, ойкал и беспокойно ерзал на верхней полке. Наконец сдался и занял место в очереди в туалет – та выстроилась через весь плацкарт.

Надя устроилась на своей нижней полке – которую ей тоже уступил Сережа – и попыталась задремать. Ей это почти удалось, как вдруг за плечо девушку настойчиво потрясли. Над ней стояла вульгарного вида тетка в домашнем халате и возмущенно раздувала ноздри:

– Барышня, вы не слышите, там вашему парню плохо? Заперся, воеет.

– Он не мой парень. – проронила Надя еле слышно, но чувство вины по отношению к Сереже заставило ее подняться. По пути к туалету ее проводил взглядом с десятков искаженных болезненной гримасой лиц. Постучав в дверцу, она позвала:

– Сережа? Ты в порядке?

– Уходи, – глухо отозвалось из-за двери.

Она было послушалась, но, обернувшись, увидела за своей спиной недовольную толпу.

– Сереж, что с тобой? Открой дверь!

– Уходи, я кому сказал! Вали отсюда! На хрен пошла! – в словах попутчика сквозила истерика.

– Сережа, открой дверь!

– Я врач, я могу помочь! – раздался голос с другого конца вагона, и это придало девушке уверенности.

– Сереж, здесь врач. Может, у него есть с собой какие-то лекарства. Открой, пожалуйста, ну же!

– Да чё ты телишься! – возмутился здоровый дембель в тельняшке. Он сверзился со своей полки, встал во весь рост, едва не упершись бритой головой в потолок вагона и подошел к двери. Недолго думая, саданул ногой в район замка, потом еще раз и еще. Дверь распахнулась, ударила о стенку, и зрелище, представшее Надиным глазам заставило ее вывалить все то небольшое, что она съела за день, на и без того не самый чистый пол вагонного туалета.

Сережа восседал на унитазах «в позе орла». Голова свисала на грудь, с оттопыренной нижней губы тянулась ниточка слюны. А в металлический унитаз под его ногами свисало что-то сизое, длинное, толстое, никак не похожее на то, что обычно выходит из человека. Сережа с трудом поднял помутневший взгляд на Надю, перевел его на дембеля и выдохнул из последних сил:

– Помогите...

После чего повалился на пол лицом вперед, а из Сережиного зада продолжали, подобно червям, выползать его собственные внутренности.

* * *

Что делать дальше поездная бригада решала долго. Связи с «большой землей» не было – РВС сгорела, облитая крутым кипятком, а портативные рации проводников передавали только помехи. Мобильники дружно жаловались на отсутствие сети. Двигаться дальше состав не мог – у двух вагонов не было соприкосновения с полотном, прочие стояли вкривь и вкось – поползли по скользким от снега рельсам.

Кто-то из проводников предложил отцепить локомотив и поехать за помощью до следующей станции.

– Ты дурак что ли? А пассажиры здесь останутся? – возмутился Лешка.

– А ты захотел в Данко поиграть? Так это, братец, без нас! – ярился Тимофей, молодой и наглый сержант из «линейных». Раскосый и квадратный Нурлан, его напарник, согласно подтягивал, коверкая слова:

– Да, Данка хуева. Хули здэсь сидэть?

Другие закивали, принялись роптать, мол, что это они тут торчать должны, и так вторые сутки в дежурстве, дома – семьи, дети.

– Да вы чё, люди? – удивленно вопрошал помощник машиниста. – Вы в своем уме? Целый состав народу посреди тайги бросить? А кто за это отвечать будет? А если что случится? Надо остаться. По инструкции даже...

Поездная бригада загомонила – сидеть в тайге и ждать у моря погоды никто не хотел.

Наконец, Аглая Семеновна – дебая тетка за сорок, опытная проводница – из тех, кто не боится заходить в полный вагон дембелей – громыхнула:

– Ша! Лешка теперь за старшего – как скажет, так и будет! – и бригада притихла, только Тимофей что-то недовольно шепнул Нурлану. – Ну что, командуйте, Алексей Батькович, что делать-то?

Лешка не сразу понял, что вопрос адресован ему – выходит, теперь он начальник поезда, заместо дядьки и убитого Дмитрия Григорьевича. Замялся, пожевал губами, наконец, выдал:

– Поезд сам дальше не поедет. Нужны рабочие, тягач и эвакуационный рейс. К тому же, нас уже неплохо замело. В пункте назначения про нас если и не забыли – то вряд ли могут прислать помощь по такому бурану. Будем ждать, пока не подьедет следующий состав, у них одолжим РВС и свяжемся с Благовещенском. Топить сможем еще пару дней; пассажирам раздадим пайки из вагона-ресторана. Палыч, соберешь?

– А недостачу ты мне из своего кармана закроешь? – возмутился Андрей Палыч, грузный, с внушительным вторым подбородком, перетекающим в свисающее брюхо директор вагона-ресторана.

– РЖД оплатит. Чрезвычайная ситуация! – отрезал Лешка, почувствовав всю угнездившуюся на его плечах ответственность. Палыч только хмыкнул, но возражать не стал. – Сейчас пройдите по вагонам и успокойте пассажиров. Скажите, что ситуация под контролем, РЖД извиняется и все такое, не мне вас учить.

– А про Степаныча, – Тимофей брезгливо сморщился, – Что расскажем?

– Ничего. Пассажирам ничего не говорить! Паника нам ни к чему.

Бригада нехотя разошлась по вагонам, переругиваясь и недовольно хмурясь. Лешка отер со лба выступивший пот – следующие часы обещали быть самыми непростыми в его недолгой жизни.

* * *

Тимофей Меленчук заступил в наряд сопровождения недавно. До этого вместе с другом детства Нурланом он служил в патрульно-постовой службе Минусинска. На поезд их устроили, как и Лешку, по знакомству. Работа была не пыльная: знай себе следи за порядком, разнимай раз в месяц перепившихся вахтовиков, шупай смешливых проводниц да знакомься с симпатичными пассажирками, которые вдали от дома и мужей становились куда сговорчивее. Наверное, срабатывал «синдром попутчика». Впрочем, такими тонкостями Тимоха себе голову не забивал, а просто пользовался тем, что, как он считал, доставалось ему по праву. Нурлану с прекрасным полом везло меньше, но и тот не унывал – в дороге, вдалеке от глубоко консервативной мусульманской семьи, он мог беспрепятственно и без остатка отдаваться своему любимому хобби – употреблению горячительных напитков.

Тимоха с Нурланом шли через вагоны, сквозь зубы матерясь на взявшего слишком много на себя Лешку. Вечер, обещавший быть томным, теперь затянулся на неопределенный срок, и они хищно оглядывали полки плацкарта в поисках «добычи». Тимофей наметанным взглядом подмечал тут и там стройные ножки и круглые попки, затянутые в дешевые спортивные костюмы; поблескивающие же глаза Нурлана искали блики в пузатых боках бутылок на столиках и в сумках. Именно посреди этого будничного занятия их застал дикий визг в одном из вагонов:

– Помогите-и-ите! На помощь! Скорее! Полиция!

Сердце Тимохи глухо бухнуло в ушах. Рука сама собой дернулась к кобуре. Тяжесть надежного табельного ПМ-а придала уверенности.

– С дороги! – толкнул он плечом какого-то замешкавшегося в проходе мужичка в футболке «Зенита» и поспешил на голос. За спиной нога в ногу бежал Нурлан, шумно сопя своим плоским бульдожьим носом.

У туалета стояла беременная девчонка в пижаме со слониками. Тимоха даже не удержался, оглядел ее получше – совсем ведь молодая, можно сказать ребенок. А личико смазливое, хоть заплаканное.

– У ей парень помер! – угодливо квакнула какая-то бабка под локоть, и Тимохино сердце кольнуло не пойми откуда взявшееся ревнивое злорадство. – Прямо на очке и... Ох, прости, Господи!

– Разберемся! – Тимофей отодвинул старушку и бесстрашно шагнул в тесное помещение туалета, откуда, помимо привычных ароматов хлорки и продуктов жизнедеятельности, теперь тянуло чем-то сырым, мясным, как когда батя разделявал поросю. Зрелище, представшее его глазам заставило Тимоху выгнуться дугой и оставить съеденный на ужин тульский пряник на грязном полу – рядом с практически вывернутым наизнанку человеком. Головой тот упирался в пол, а ногами все еще сидел на унитазе. Внутренности сизо-бурой грудой свисали с металлического края.

Кое-как взяв себя в руки и сдержав второй приступ тошноты, Тимоха пробулькал:

– Нурлан, не пускай никого!

Ни сержант Меленчук, ни его напарник Нурлан никак не могли в тот момент предположить, что несчастный Сережа был лишь первым из восьмидесяти шести других «вывернутых наизнанку» пассажиров, отведавших бабкиных пирожков.

* * *

Как угорелые, линейные полицейские метались по вагонам, фиксируя труп за трупом. То тут, то там раздавались новые крики, и Тимофей с Нурланом неслись на очередной гражданский зов. К концу часа насчитали восемьдесят шесть усопших. Стражи порядка уже не успевали ужасаться и успокаивать население, лишь отирали пот со лба и рутинно фотографировали очередного покойника, ключом проводника запирали туалет и запрещали приближаться к мертвецам. В натопленных вагонах те начали распространять вокруг себя зловонные миазмы чуть ли в первые минуты после гибели. Пострадали и двое проводников – их нашли в проходных тамбурах в лужах собственных испражнений с неизменным шлейфом внутренностей, торчащих из анальных отверстий.

– Да какого ж хера здесь произошло? – напряженно чесал затылок Тимофей. Нурлан предпочитал молчать, но и в его раскосых глазах читалось непонимание.

– Пирог это все! На них махарипе – проклятие! Эта старуха – не человек, бэнк, черт лесной! – со знанием дела встряла цыганка.

– Какая старуха? Гражданочка, вы употребляли?

Но обеспокоенные пассажиры подтвердили – действительно, ходила вдоль вагонов бабка с пирожками, и в самом деле погибли именно те несчастные, что польстились на ее угощение.

– Целый остался у кого-нибудь? А?

– Вот! Есть! У меня! – на вытянутых руках принес румяный кругляш теста щуплый интеллигент в очочках. Он с опаской глядел на пирожок и беспомощно оглядывался на толпу пассажиров, часто моргая за толстыми линзами. – Представляете, люди, только собирался поесть! Хотел руки помыть, а в туалет – очередь. Вот, не успел. А если бы...

– Благодарю за помощь следствию, – кивнул Тимофей, пряча панику за казенными фразами. – Нурлан, прими вешдок.

Мордатый казах, не изменившись в лице, протянул руку к «вешдоку», интеллигент поторопился разжать пальцы, и выпечка, выскользнув из целлофанового пакета, шлепнулась на пол. Румяные бока лопнули, и из щели полезло то, что поначалу показалось Тимофею лишь ливером. Но вдруг из серо-коричневой массы выросло что-то, похожее на два крошечных пальчика, на конце которых вместо ногтей росли их братья-близнецы еще меньшего размера. Эти странные конечности уперлись в пол, наподобие паучьих ног и с усилием вытягивали из пирожка оставшийся ливер, который вдруг из рассыпчатого и рыхлого стал какой-то склизкий и цельный. Кто-то из пассажиров взвизгнул, интеллигентишка отшатнулся в ужасе и бухнулся на задницу; Тимофей застыл, скованный ужасом, а пальчики уже уцепились за его штанину и начали восхождение.

Вдруг прямо в середину пирожка опустился тяжелый армейский ботинок, раздавив неведомое существо. Ботинок покрутил каблуком на месте, растирая бурую жижу, после чего одним движением размазал ее ровным слоем по полу.

– Дайте кто-нибудь совок соскрести эту гадость! – скомандовал тихий, но от того ничуть не менее мощный голос. В его басовитых обертонах чувствовалось, что владелец голоса привык не просить, но отдавать приказы.

Подняв глаза, Тимофей увидел перед собой невысокого, коротко стриженного мужчину. На квадратном подбородке сахарными крошками поблескивала седая щетина. В серых глазах

плескалась расплавленная сталь. Под их взглядом Тимофею захотелось тут же встать по стойке «смирно». Образ дополняла тельняшка без рукавов.

– Фамилия, сержант! – рявкнул мужик, и Тимоха, вжав голову в плечи, переспросил:

– Я?

– Головка... от часов «Заря». Кто еще, ну?

– Сержант МВД Тимофей Меленчук, наряд сопровождения! – представился Тимоха с перепугу по форме.

– Хорошо, Меленчук. А я – офицер запаса, звать меня Анатолий Валентинович, можно просто «товарищ майор». Так вот, сержант, – офицер наклонился и поманил Тимофея пальцем, понизил тон, – Сейчас нужно здесь порядок навести. Во-первых, выкинуть эту дрянь, а во-вторых – вынести тела на мороз, пока они здесь не потекли. Ты же не хочешь, чтобы у тебя поезд мертвечиной провонял?

Тимофей не хотел.

– Пассажиров успокой и собери мужиков поздоровее да покрепче. Сейчас быстренько покойников на снежок перетаскаем, простынками накроем – чай, не обеднеете. А как состав на рельсы поставят – мы под них какой-нибудь отдельный вагон выделим.

* * *

Найти добровольцев для переноса тел оказалось задачей непростой. В конечном итоге пришлось договариваться с вахтовиками – посулить им ящик водки из вагона-ресторана. Андрей Палыч подсчитывал расходы и рвал с головы свои и без того жиденькие волосы.

Провозились едва ли не два часа. Задачу осложнило то, что внутренности волочились за телами по вагону, оставляя кровавый след. Наконец, было принято решение заворачивать усопших полностью в простыню – под горестный вой проводниц. Наконец, все восемьдесят шесть трупов лежали аккуратным рядом вдоль поезда. Зрелище было жуткое: кровь просачивалась сквозь простыни и окрашивала снег. В голове Тимофея проносились сцены из старых военных фильмов – про концлагеря и карательные отряды. Кажется, в одном из таких немцы расстреляли всю деревню, а потом сложили таким же аккуратным рядом за избами. Его снова вывернуло.

– Давай, солдат, не стесняйся! – хлопал его по спине Анатолий Валентинович. – Лучше наружу, чем внутрь!

Вахтовики тоже приходили в себя – курили, притопывали на снежном ветру и матерились, поглядывая на шеренгу мертвецов. Лешка тоже стоял рядом, пускал облачка пара и глядел в небо, избегая смотреть на импровизированный «морг», и с содроганием думал о том, как потом, когда придет помощь, примерзшие трупы придется отколупывать при помощи ломов и лопат.

На самом деле переживал он почему зря, ведь едва над тайгой поднялось блеклое северное солнце, мертвецы бесследно исчезли. На снегу валялись лишь разодранные простыни и плотные комья, оказавшиеся на поверку смерзшимися внутренностями. Их же бывших владельцев и след простыл.

* * *

Смерть почти сотни людей и последовавшее за этим исчезновение их трупов скрыть уже не просто не удалось – не было смысла. Пассажиры высypали в сугробы, нахохлившись, точно воробы, закутавшись в свои пуховики и куртки; они нервно перекрикивались, скандалили друг с другом и с проводниками. Со стороны все это напоминало натуральный птичий базар. В воздухе витала паника.

– Успокойтесь, граждане, пожалуйста, мы во всем разберемся! – увещевал Лешка толпу, но люди не слушали, требовали полицию, милицию, армию, директора РЖД и чуть ли не самого Путина. Тимоха стоял в стороне и нервно подрагивал, держа руку на кобуре – ситуация могла в любую секунду выйти из-под контроля.

– Ты, чтоль, начальник поезда? – раздался вдруг властный голос из толпы.

– Ну, я, – неуверенно ответил Лешка. Раздался щелчок, на Леху откуда ни возьмись навалился бугай, приподнял за грудки, прижал к подножке. Тимофей дернулся было, но уткнулся носом в какую-то наспех показанную корочку, присмирел. Следом неспешно подошел круглый маленький человечек, затерявшийся в своей соболиной шубе. На лице человечка застыла гримаса крайнего недовольства и презрения. Закурив, он обратился к Лешке:

– Ну что, начальник, что делать будем? Работы ты и так лишился, это я тебе обещаю. Сейчас и твоя свобода на кону, и зависит все от твоего ответа на вопрос: когда мы поедем дальше?

Лешка сглотнул. Из-под расстегнутой шубы блеснул на пиджаке вопрошавшего депутатский значок.

– Послушайте, – попытался оправдаться он, – Часть вагонов потеряла сцепление с рельсами, движение состава по маршруту невозможно. РЛСка накрылась, связи нет, радиостанции не работают. Нужно дождаться следующего поезда, чтобы вызвать тягач и ремонтную бригаду.

– И сколько ждать? – набычился депутат.

– Дня три, может и дольше, – упавшим голосом ответил Лешка. Депутат тут же покраснел; кажется, даже лоб его покрылся испариной, несмотря на собачий холод и метель. Он оттеснил своего помощника и уже сам схватил Лешку за ворот пуховика и притянул к себе. На этот раз Лешке пришлось нагнуться.

– Три дня? А где другие поезда? Товарняки, электрички, а?

– Послали в объезд из-за заносов. Или вовсе отменили. Ни вертолетов, ни бригады спасения в такую метель можно не ждать. Так что не меньше трех суток.

– Слушай сюда, ты, двуногое, у меня завтра в Благовещенске встреча с застройщиком. Сделка на сорок лямов, понимаешь, не? Сорок! Ты столько за всю жизнь не заработаешь!

– Ну, идите пешком, – пожал плечами Лешка. Сейчас его мысли были заняты тем, кто или что забрало трупы пассажиров, и это нечто пугало его куда больше колобкоподобного депутата.

– Чё ты, сука, сказал? Матвей, поучи-ка его...

Бугай двинулся к Лешке, играя желваками, занес кулак и... опрокинулся в сугроб, совершив какой-то немислимый кульбит. За его спиной оказался невысокий седой мужчина в желтоватом армейском бушлате, будто из старых фильмов про войну.

– Не думаю, что стоит портить настроение нашему единственному машинисту, – произнес он негромко, но, кажется, слышала вся толпа. Галдеж прекратился. Депутат зашипел как раскаленная сковородка, на которую брызнули водой:

– Ты охерел? Ты вообще знаешь, кто я?

– Знаю. Депутат заксобрания Амурской области, Георгий Пилипенко. Ты об этом всему поезду уши прожужжал, – спокойно ответил седой, продолжая ногой удерживать в снегу депутатского прихвостня. – А я – Анатолий Валентинович Кузнецов, майор запаса. Будем знакомы.

Майор протянул руку, поймал вялую ладошку депутата в свою стальную хватку и сдавил так, что у человечка глаза полезли на лоб. Офицер же продолжил:

– И раз уж мы теперь все, так сказать, в одной лодке – предлагаю не устраивать свары, а искать решение проблемы. Алексей, – обратился он уже к Лешке, понизив голос. – Скажите, на сколько нам еще хватит угля и дизеля, чтобы держать поезд в тепле?

– Дня на три-четыре, если расходувать экономно.

– Ага. А следующий поезд, я слышал, будет через трое суток, так?

– В лучшем случае так.

– Получается безвыходная ситуация, – подытожил военный, отпустив, наконец, руку депутата. Тот затряс ей, будто обжегся. – Нужно что-то решать.

– Что тут решать? Отцепить локомотив и на нем ехать до Благовещенска, – огрызнулся депутат. – Там уже и тягач вызовем, на уши всех поднимем.

Лешка было возмутился, но майор его опередил:

– И оставить толпу людей на морозе? Без связи, без света? Ты, депутат, представляешь, что тут может произойти? И на кого, как ты думаешь, все повесят? Спросят ведь, чья была инициатива? Я молчать не буду.

Пилипенко сжал губы и злобно уставился на майора. Бугаю, наконец, было позволено подняться на ноги. Тот отряхнулся и присоединился к своему патрону. Майор же, точно позабыв о депутате, теперь оглядывал поезд, толпу и лес, оценивая ситуацию. Поразмыслив, спросил Лешку:

– А что, если вагоны эти убрать, поезд поедет?

– Куда ж он денется? Да только как их убрать?

– Это мы сейчас придумаем. Есть же у вас этот, как его... Механик? Зови его сюда.

Инженера-механика поезда нашли в вагоне-ресторане. Филипп Михалыч сидел, закинув ноги на накрахмаленную белую скатерть ипил горькую. Увидев начальство, да еще в таком количестве – депутат, помощник машиниста, мент и какой-то незнакомый дед с квадратным подбородком – поперхнулся, закашлялся, но ноги со стола убрал.

– Здорово, Михалыч. Не нервничай, – успокоил его Лешка. – Тут вот граждане спросить хотят.

– Чего им?

– Вас Филипп Михайлович звать, да? – протянул руку майор. – А меня Анатолий Валентинович, офицер запаса.

Электромеханик выпучил глаза, ощутив давление майорской клешни, даже немного протрезвел.

– Скажите, Филипп Михайлович, можно ли как-то снова привести поезд в движение? Так сказать, своими силами?

– Не-е-е, вы чо! Тут целая рембригада нужна, как я вам один-то? – замахал руками механик.

– Ну, а если подумать? Теоретически? Что нужно сделать? Вы же просто представьте сами – тут триста с лишним человек, в лесу, посреди тайги... Да и про трупы вы тоже знаете. Поймите, люди на нервах, случиться может что угодно.

– Ну, теоретически... – облизнул вдруг пересохшие губы Михалыч. Нестерпимо захотелось выпить еще водки, но майор продолжал крепко удерживать вечно перепачканную в масле руку. – Самые проблемные – первые три вагона, их неслабо покорежило. Я осматривал, там ходовая часть повреждена. Если поедут – застрянут. По-хорошему, их бы надо отцепить...

– А пассажиров куда? – перебил Лешка.

В пропитых глазах механика мелькнул давно дремавший профессиональный азарт.

– Пассажиров уплотним. Ничего, чай, не в Париже. В целом, остальные вагоны достаточно подцепить и по направляющей вернуть на рельсы. Нужны рычаги там, там и там, – тыкал Михалыч пальцем куда-то себе за спину. – А эти – приподнять и спустить на полозьях. Их можно установить по бортам, укрепить снизу, зафиксировать в одном положении и тогда...

Механик спохватился:

– Но это все только на пальцах. Так-то тут целая рембригада нужна, деповская, а здесь...

– А здесь есть вы и человек пятьдесят здоровых мужиков, – подытожил майор. – Я не сомневаюсь в вашей компетенции. Вы руководите, а мы как-нибудь справимся. Пойдемте.

– Куда? – испуганно спросил Михалыч, и стоило офицеру отпустить его руку, тут же нацепил себе рюмку и немедленно выпил.

– Проведем инструктаж.

* * *

Когда Лешка ушел в вагон-ресторан, пассажиры накинулись на проводников. Те быстро смекнули, куда ветер дует и разбежались по своим купе, заперевшись изнутри. Поняв, что ловить на морозе кроме ангины, нечего, народ тоже стал расходиться. Пришлось запустить Тимоху с Нурланом по вагонам, чтобы выгнать всех совершеннолетних и дееспособных опять наружу. Пассажиры откровенно роптали, отмахивались и огрызались, но все же повиновались требованиям служителей закона.

Когда, наконец, Анатолий Валентинович решил, что людей собралось достаточно, он взгромоздился на заблаговременно расчищенный пень и толкнул речь следующего содержания:

– Товарищи пассажиры. Как вы видите, с составом произошла внештатная ситуация. Мы в некоторой степени тут... застряли. Связь со станционными диспетчерами ввиду непредвиденных обстоятельств стала невозможна. Часть вагонов окончательно вышла из строя и неспособна продолжить движение.

– Так отцепить их и дело с концом! – крикнул кто-то из толпы.

– Да, именно так! – поддержал Анатолий Валентинович. – Отцепить! И наш высококлассный инженер – Филипп Михайлович... Как вас по фамилии?

– Титяпкин, – выдавил ошалевший механик. Еще никогда на него не было обращено столько глаз.

– Филипп Михайлович Титяпкин проинструктирует добровольцев, как это осуществить. Работа предстоит нелегкая – нужно будет свалить несколько стволов, вырубить на них полозья и при помощи коллективного труда привести, наконец, наш поезд в движение!

Толпа сразу поскучнела, многие даже решили по-тихому свалить от греха подальше. Майор, заметив это, поспешил добавить:

– Добровольцам в благодарность за помощь в спасении состава от Амурской области и лично от депутата заксобрания Георгия Андреевича Пилипенко будет выплачена премия в размере пятидесяти тысяч рублей! – тяжелая рука хлопнула по плечу скривившегося в неестественной улыбке депутата. – Всех добровольцев прошу записываться у самого Георгия Андреевича.

Толпа одобрительно загудела, вахтовики тут же протиснулись вперед, образовали нестройную очередь, хищно нацелившись на депутата.

– К сожалению, инструментов на всех не хватит, поэтому мы будем способны принять ограниченное число желающих. Однако, – поднял палец вверх офицер, – При наличии собственного инструмента вы будете зачислены сверх норматива.

Тут же зашевелились мужички в дальних рядах – из тех, кто не успел выстроиться за вахтовиками.

– У меня топор есть! – кричал какой-то заросший бородач.

– А у меня шуруповерт! Новый!

Желающих помогать в деле отцепления пострадавших вагонов все прибавлялось. Офицер удовлетворенно кивнул, прочистил горло и продолжил:

– Также РЖД и лично директор вагона-ресторана бесплатно предоставит каждому пассажиру стандартный паек.

– А водка входит? – крикнули из толпы.

– К сожалению, сто грамм фронтовых гражданским, да еще и в мирное время, не положены, – отшутился майор, после чего посерьезнел. – Несмотря на чрезвычайные обстоятельства, мы должны вести себя цивилизованно, соблюдать законы, а также некоторое количество простых правил. Первое – в лес ходить запрещено. Если вы там замерзнете или потеряетесь –

искать вас никто не будет. Второе – если у кого-то из пассажиров есть огнестрельное или травматическое оружие – его нужно сдать нашим блюстителям закона, Тимофею и Нурлану, разумеется, под расписку. Если спустя час оружие не будет сдано, его хранение будет считаться преступлением, а утаивший будет наказан по всей строгости. И последнее – если вдруг за время нашего пребывания на этом перегоне вы заметите что-то странное, необычное и пугающее – обращайтесь лично ко мне. В любое время.

– Что-то вроде пропавших трупов? – ехидно спросила цыганка.

– Да, что-то вроде, – не изменившись в лице ответил майор.

* * *

Майор Кузнецов как-то очень быстро и ловко перенял на себя командование поездом. Лешка, не сильно-то рвавшийся в начальники, с удовольствием передал бразды правления в руки офицера в запасе, а Тимофей так и вовсе заглядывал майору в рот после спасения от ливерного пирожка. Нурлан, как и всегда, следовал за другом безмолвной и раскосой тенью.

Механик Михалыч, опрокинув еще стакан водки, раздухарился и, войдя в раж, всю команду командовал группкой угрюмых вахтовиков, раздавал инструмент и объяснял, размахивая руками:

– Мы их на полозьях – ррраз и набок. Потом локомотив на тресе подтащим, и погнали наших городских...

Депутат, конечно, посокрушался относительно обещанной майором премии, но здраво рассудил, что снявши голову по волосам не плачут. Заперевшись в своем купе вместе с помощником, он пил из горла дорогой ирландский виски, предназначенный в подарок мэру Благовещенска.

Андрей Палыч тоже оплакивал потери, обнимаясь с бутылкой двенадцатилетнего коньяка из заначки. Пайки собирали хоть и скромные – чтобы хватило всем – но увесистые, и каждый директор вагона-ресторана провожал печальным взглядом.

Пассажиры же, не попавшие в ряды добровольцев только и судачили, что об отравленных пирожках и пропавших трупах. Какие только версии ни выдвигались: грешили и на инопланетян, и на беглых зеков, что с голодухи готовы были наброситься на любое мясо. Обвиняли масонов и мировое правительство, кто-то даже предположил, что это какой-то хитроумный эксперимент, наподобие тех, что проводили в семидесятых в США. Цыганка, прижимая непоседливую дочь, не переставала говорить о каких-то «бэнк» и все твердила, что про «глаза без мяса». Объяснить в подробностях, что это означает она так и не смогла – плохо владела русским.

Надя в обсуждениях не участвовала. После пережитого ее то и дело тошнило. В туалет своего вагона она ходить никак не желала, хоть проводники все засыпали хлоркой. Есть не хотелось, но сердобольные попутчики наперебой предлагали ей то холодную вареную курицу, то яйца вкрутую, а один дед даже пытался всучить ей чекушку водки со словами: «Я вам как фельдшер говорю, сразу легче станет!» Беременность девушки его, похоже, ничуть не смущала.

Ближе к полудню Надя все же приняла простую истину – либо она сейчас встанет и пойдет «по делам», либо придется лежать на мокром матрасе. Вздохнув, она села на своей полке, надела тоненькую курточку – ничего теплее у нее не было – и вышла в метель. Мороз вцепился в нее сотнями маленьких коготков, принялся щипать и кусать за щеки, пробирался под одежду, исследовав худенькую девичью фигурку под пижамой, сдавливал сердце ледяным обручем.

Надя хотела отойти совсем недалеко, до ближайшего сугроба, но все вокруг поезда было плотно утоптанно после «инструктажа». Девушка оглянулась на поезд – вереница окон с любопытством пялились в ответ. Стеснение победило, и Надя захрустела по насту в сторону сплошной стены сосен. Стоило сделать шаг в лес, как небо тут же заволочло густыми ветвями, будто

кто-то выключил свет. Надя приспустила резинку штанов, присела в сугроб, собираясь все сделать быстро, как вдруг где-то среди ветвей хрустнула ветка. Девушка вздрогнула, едва не села голой попой в снег. Наконец, взяла себя в руки, спросила:

– Кто здесь?

– Кто-о-о здесь? – раздалось скрипучее из бурелома. Зашуршали по снегу чьи-то стопы, и из груды сваленных ветвей вынырнула взерошенная голова Сережи. Рот, распяленный в стороны шевелился сам по себе. Шел Сережа неуверенно, то и дело спотыкаясь, точно только учился пользоваться ногами, а глаза его смотрели в разные стороны, как у хамелеона. – Кто-о-о здесь?

Надя вскрикнула, подтянула штаны, попыталась встать, но не удержалась и бухнулась спиной в сугроб. Сережа приближался. Выйдя из бурелома, он сделал пару шагов в сторону подлеска и встал как вкопанный, словно давая получше себя рассмотреть. Мертвенно-бледный, он даже стоя на месте издавал морозный хруст, и девушка догадалась, откуда эта деревянная походка – Сереже мешало трупное окоченение. Не было никаких сомнений – парень был мертв. Глаза глубоко запали, челюсть безвольно отвисла, голый живот лип к позвоночнику.

– На помощь! – завизжала девушка, закопошилась в снегу, пытаясь встать на ноги, а оживший мертвец пошел на нее. Хруст усилился, а кожа на парне неестественно натягивалась в одних местах и свисала клоками в других – будто ее надел кто-то другой, лишь отдаленно напоминающий человека. Сережа нагнулся над Надей, и та стукнула его каблучком сапога в лицо. Щека тут же сползла на сторону, кожа порвалась, а глаз выпал и повис на тонкой ниточке. Парень застыл, скрюченная рука, которую он тянул к девушке повисла плетью, а из глазницы высунулись два длинных черных пальца. Найдя на ощупь глаз, они подтянули его и поставили на место – теперь тот смотрел куда-то внутрь черепа.

От этого зрелища в Надином рассудке лопнула какая-то тонкая стенка, отделяющее человеческое от звериного, и сознание ее деградировало до состояния самки, готовой любой ценой защитить своей помет. Надя издала что-то между всхлипом и рыком и принялась остервенело работать ногами. Удар, удар, еще удар. Сережа отшатнулся, голова его выкрутилась на сто восемьдесят градусов и смотрела теперь куда-то назад и вверх. Это ее шанс!

Надя вскочила на ноги и побежала прочь, проваливаясь под толстый наст и утопая в сугробах, оставляя позади чудовище, что попыталось прикинуться ее погибшим попутчиком, а в ушах звенело скрипучее «Кто-о-о здесь?»

* * *

Спустя несколько минут Надя сидела в купе, сжимала в руках подстаканник и, захлебываясь слезами, рассказывала о встрече в лесу. Лешка пучил глаза и смотрел в пустоту, Тимоха с Нурланом испуганно переглядывались, а майор Кузнецов морщил брови и скреб покрытый седой щетиной подбородок. Наконец, дослушав, подытожил:

– Я знал, что с этим лесом не все чисто. Там что-то обитает. Что-то голодное, злое...

– Вы слышали когда-нибудь о подобном? – спросил Тимофей, беспокойно поглаживая кобуру.

– Слышал-не слышал... Всех баек наслушаешься. Тайга огромная, а плотность населения тут – пол-процента на квадратный километр. Кто знает, что тут могло завестись? Или всегда жило, а мы вот, побеспокоили...

– И что делать будем? А если они все из лесу выйдут? – спросил Лешка, вынырнув, наконец, из своих мыслей.

Анатолий Валентинович подумал, а потом крякнул и стукнул себя по колену.

– На разведку пойдем. По направлению, откуда вышел этот... жмур. Нужно провести рекогносцировку, понять, насколько оно опасно и... сколько их таких еще там бродит. Вдруг их больше, чем наших восемьдесят шесть? Соберу тех, кто служил, раздам огнестрелы и...

– А что у нас по огнестрелам? – поинтересовался Тимоха.

– Негусто. Две берданки и один травмат. Нурлан, разреши-ка...

Казах послушно протянул свой ПМ офицеру запаса. Тот взвесил его в руке, оглядел присутствующих и заключил:

– Пойдем вчетвером. Возьму пару человек из вахтовиков – они ребята крепкие. Нурлан – пойдешь со мной.

– А я? – одновременно с обидой и ревностью спросил Тимоха.

– Ты за главного остаешься, вон, вместе с начальником поезда. Теперь единственный ствол у тебя. А ты, Алексей, – обратился Кузнецов к помощнику машиниста, – Размести девушку у вас в купе да проследи, чтоб ее накормили как следует.

Наконец, майор повернулся к Наде, присел перед ней на корточки, отложил пистолет и мягко взял за руку.

– А ты, милая, лежи, отдыхай, кушай сытно – тебе за двоих надо. И... лучше пока не рассказывай ничего о том, что видела. Особенно другим пассажирам. Нам же не нужна паника?

Надя кивнула. Руки у майора были твердые и узловатые, как корни. И такие же холодные.

* * *

Тем временем работа над отсоединением неисправных вагонов шла полным ходом, несмотря на метель. Филипп Михалыч, войдя в раж, даже забыл про алкоголь и теперь всю команду угрюмыми вахтовиками. Те валили лес, как заправские зеки, а после – остругивали бревна от веток и коры, делая одну сторону совсем плоской.

– Вот так, вот так! – подбадривал механик. – Теперь суй ее прям туда, меж колес. Да куда ж ты лезешь, зашибешься же!

Маша скучала в своем купе. Папа отказался идти в добровольцы и решил использовать эту длинную незапланированную остановку для очередного скандала с мамой. Выйдя из купе, чтобы «не травмировать психику детям», они ругались в тамбуре. До Маши доносились отдельные выкрики вроде «...надо было самолетом» и «...ненавидишь мою маму!»

Костя же – младший брат – пользуясь ситуацией увлеченно ковырялся в мамином планшете. Брату было всего шесть, и такие семейные сцены он воспринимал как что-то само собой разумеющееся. А вот Маша помнила родителей другими – любящими, веселыми, даже временами дурашливыми. Маша была достаточно взрослой, чтобы понимать: все это – лишь очередная ступенька на пути к темному подвалу, на двери которого написано «развод». Она часто думала, осталась бы она жить с матерью или с отцом. У мамы, с одной стороны, было бы уютнее и проще – папа совсем не умел вести быт. С другой стороны, выдерживать мамин характер, как это уже семнадцать лет делает папа, ей бы, наверное, не хватило самообладания.

Так Маша сидела у окна, водила пальцем по стеклу и хаотично переключала песни в плеере. Палец выводил какие-то линии, а после Маша дышала на стекло, и на нем проявлялся рисунок – котенок, цветочек, сердечко, логотип любимой группы. Вот очередная «хартограмма» проявилась на стекле, окруженная конденсатом Машиного дыхания. А когда тот испарился, девочка закричала, что есть мочи:

– Мама-папа! Там, в лесу! Вон, смотрите!

Родители вбежали в купе, забыв про свои свары; Костя не понял, что произошло и на всякий случай заплакал, а Маша тыкала пальцем в стекло и повторяла:

– Вот же! Вот! Они были здесь!

– Кто, детка? Кто? – недоуменно спрашивали родители, мучительно вглядываясь в про-светы меж деревьями.

– Были! Только что были здесь!

– Так, ну-ка! – мама прикоснулась губами ко лбу дочери. – Может, у тебя температура? Пройдусь по вагону, спрошу, может, у кого-то есть аспирин.

– Я их видела, ма!

– А я тебе говорила, Сереж, не надо было ее водить на тот фильм...

– У него рейтинг шестнадцать плюс! Да и причем тут...

– Вот так всегда! Ты наворишишь, а я разгребаю.

– Что, опять? Опять я виноват?

Родители вступили в очередной цикл непрекращающейся перебранки. Маша же продолжала сверлить взглядом темный сосновый лес. Казалось, ветви слегка шевелятся, а на сетчатке Машиных глаз отпечатались бледные, искривленные лица. Десятки лиц.

* * *

Наверное, если бы пассажиры знали, что майор забрал все имеющееся в поезде оружие (кроме ПМ-а Меленчука) и отправился с этим набором в лес, скорее всего, паника и возмущение были бы неизбежны. Но майор был не вчера рожден. Людей в разведку организовал тихо, украдкой. Специально обошел поезд сзади, чтобы выйти за пределы видимости случайных пассажиров, которые могли бы выглянуть в окно, и лишь после этого направил группу в лес.

Вернулись разведчики уже под вечер. Стемнело рано, вдобавок поднялся студёный северный ветер и загнал в вагоны вахтовиков, которым пятьдесят тысяч на нос уже не казались такой уж привлекательной наградой за каторжный труд в пурге. Майор снова обогнул поезд с тыла, провел группу гуськом вдоль вагонов к локомотиву. Там их поджидал Лешка – притаптывая на месте, он елозил лучом фонарика по сосновому бору и вытягивал вперед тощую шею. Заметив группу, радостно воскликнул:

– Ну наконец-то! – после чего перешел на шепот. – Ну как, нашли что?

– Глухо. Километров пятнадцать прошли, чуть не заблудились.

– Никого не встретили?

– Говорю ж, глухо. Только зря круги наворачивали, – обернувшись к вахтовикам, майор бросил, – Все, мужики, отбой. Отдыхайте. Только не перегрейтесь с мороза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.